

Жюль Верн

Дети капитана Гранта

МАСТЕРА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Мастера приключений

Жюль Верн

Дети капитана Гранта

«ВЕЧЕ»

1867

Верн Ж. Г.

Дети капитана Гранта / Ж. Г. Верн — «ВЕЧЕ», 1867 — (Мастера приключений)

ISBN 978-5-4444-8732-7

Однажды моряки паровой яхты «Дункан» поймали акулу с головой-молотом. Рыба оказалась не простой, в ней, как в матрешке, «хранилось» много необычных вещей. Результатом этой удивительной находки становится кругосветное путешествие по воде и суше вдоль 37-й параллели. Экспедицию во главе с бесстрашным шотландским лордом и страшно рассеянным консультантом-географом ждет масса опасностей и самых непредсказуемых встреч. Бессмертный роман Жюль Верна «Дети капитана Гранта» – настоящая энциклопедия приключений и любопытных фактов о жителях и природе Южной Америки, Австралии, островов и архипелагов вечно бушующей Атлантики и Океании.

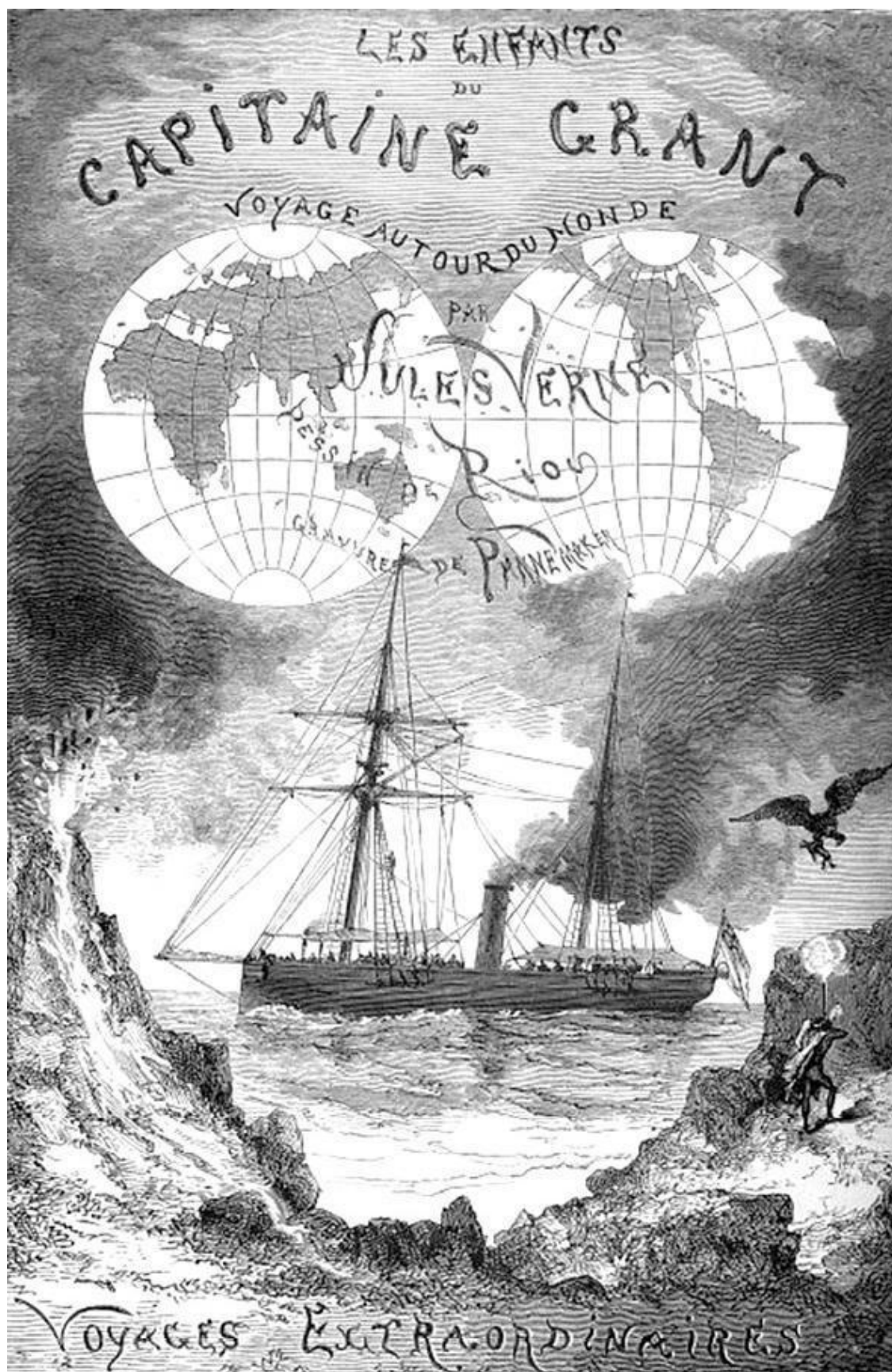
ISBN 978-5-4444-8732-7

© Верн Ж. Г., 1867

© ВЕЧЕ, 1867

Содержание

Библиография Жюль Верна	7
Часть первая	9
Глава первая. Рыба-молот	9
Глава вторая. Три документа	17
Глава третья. Малькольм-Касл	24
Глава четвертая. Предложение Элен Гленарван	32
Глава пятая. Отплытие «Дункана»	37
Глава шестая. Пассажир каюты номер шесть	42
Глава седьмая. Откуда прибыл и куда направлялся Жак Паганель	49
Глава восьмая. Одним хорошим человеком больше на «Дункане»	56
Глава девятая. Пролив Магеллана	62
Конец ознакомительного фрагмента.	70

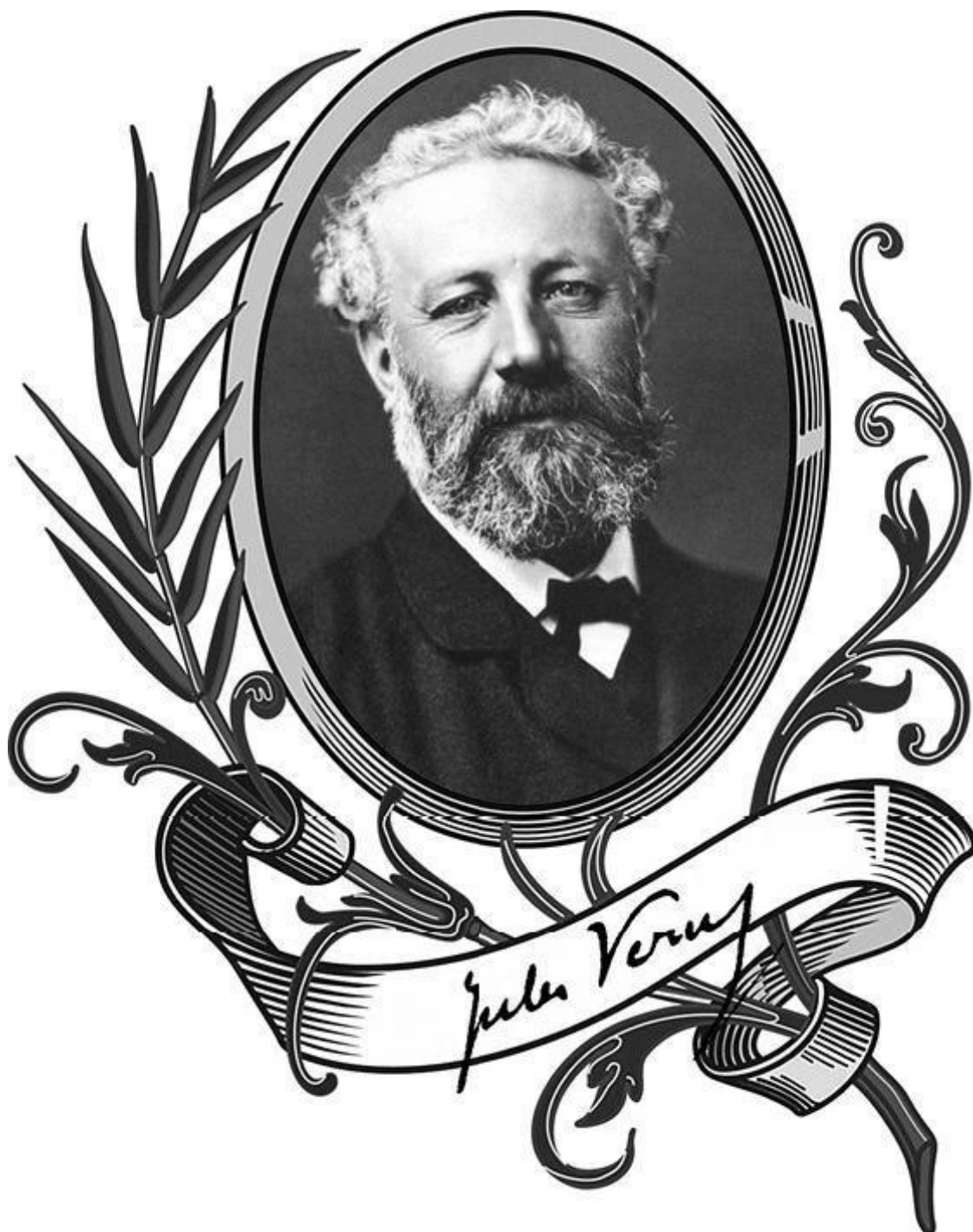

Жюль Верн
Дети капитана Гранта

© ООО «Издательство «Вече», 2015

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

Сайт издательства www.veche.ru

Жюль Верн

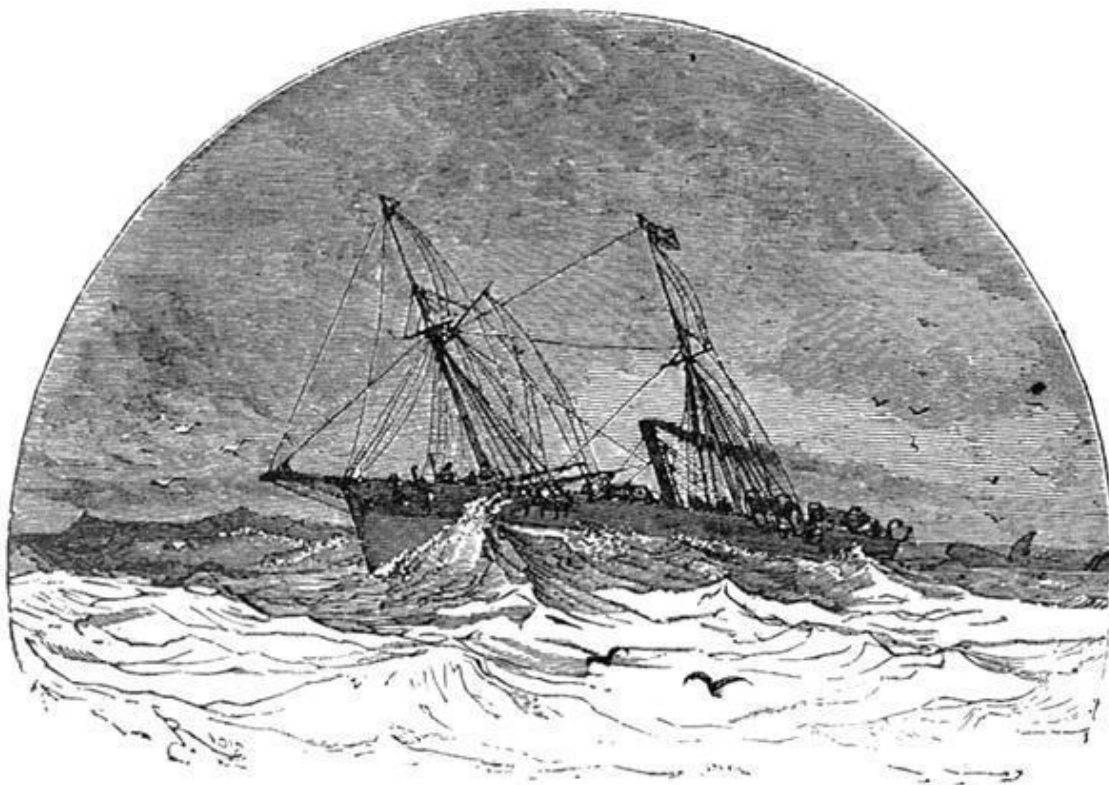
Библиография Жюль Верна

Книжные издания

- [герои серий: *А – Айртон, *Б – Барбикен, *КН – Капитан Немо, *Р – Робур]
- «Пять недель на воздушном шаре» (Cinq semaines en ballon, 1863)
- «Путешествие к центру Земли» (Voyage au centre de la terre, 1864)
- «С Земли на Луну» (De la Terre à la Lune, 1865) *Б
- «Путешествие и приключения капитана Гаттераса» (Les Aventures du capitaine Hatteras, 1866)
- «Дети капитана Гранта» (Les Enfants du capitaine Grant, 1867–1868) *А
- «Двадцать тысяч лье под водой» (Vingt mille lieues sous les mers, 1869–1870) *КН
- «Вокруг Луны» (Autour de la Lune, 1870) *Б
- «Плавающий город» (Une Ville flottante, 1871)
- «Приключения трех русских и трех англичан в Южной Африке» (Aventures de trois Russes et de trois Anglais dans l'Afrique australe, 1872)
- «В стране мехов» (Le Pays des fourrures, 1873)
- «Вокруг света в восемьдесят дней» (Le Tour du monde en quatre-vingts jours, 1873)
- «Таинственный остров» (L'Île mystérieuse, 1874–1875) *А, *КН
- «“Ченслер”. Дневник пассажира Ж.-Р. Казаллона» (Le Chancellor. Journal du passager J.-R. Kazallon, 1875)
- «Михаил Строгов» (Michel Strogoff, 1876)
- «Гектор Сервадак» (Hector Servadac, 1877)
- «Черная Индия» (Les Indes noires, 1877)
- «Пятнадцатилетний капитан» (Un Capitaine de quinze ans, 1878)
- «Пятьсот миллионов бегумы» (Les Cinq Cents Millions de la Bégum, 1879) – соавтор Андре Лори
- «Треволнения одного китайца в Китае» (Les Tribulations d'un Chinois en Chine, 1879)
- «Паровой дом» (La Maison à vapeur, 1880)
- «Жангада. Восемьсот лье по Амазонке» (La Jangada. Huit Cents Lieues sur l'Amazone, 1881)
- «Школа робинзонов» (L'École des Robinsons, 1882)
- «Зеленый луч» (Le Rayon vert, 1882)
- «Упрямец Керабан» (Kéran-le-têtu, 1883)
- «Южная звезда» (L'Étoile du sud, 1884) – соавтор Андре Лори
- «Архипелаг в огне» (L'Archipel en feu, 1884)
- «Найденый с погибшей “Цинтии”» (L'Épave du Cynthia, 1885) – автор Андре Лори, под ред. Ж. Верна
- «Матиас Шандор» (Mathias Sandorf, 1885)
- «Робур-Завоеватель» (Robur le Conquérant, 1886) *Р
- «Лотерейный билет № 9672» (Un billet de loterie: le numéro 9672, 1886)
- «Север против Юга» (Nord contre Sud, 1887)
- «Дорога во Францию» (Le Chemin de France, 1887)
- «Два года каникул» (Deux ans de vacances, 1888)
- «Безымянное семейство» (Famille sans nom, 1889)
- «Вверх дном» (Sans dessus dessous, 1889) *Б

- «Цезарь Каскабель» (César Cascabel, 1890)
- «Миссис Брэникен» (Mistress Branican, 1891)
- «Замок в Карпатах» (Le château des Carpathes, 1892)
- «Клодиус Бомбарнак» (Claudius Bombarnac, 1892)
- «Мальш» (Petit Bonhomme, 1893)
- «Удивительные приключения дядюшки Антифера» (Mirifiques Aventures de maître Antifer, 1894)
- «Плавучий остров» (L'Île à hélice, 1895)
- «Флаг родины» (Face au drapeau, 1896)
- «Кловис Дардентор» (Clovis Dardentor, 1896)
- «Ледяной сфинкс» (Le Sphinx des glaces, 1897)
- «Великолепное Ориноко» (Le Superbe Orénoque, 1898)
- «Завещание чудака» (Le Testament d'un excentrique, 1899)
- «Вторая родина» (Seconde patrie, 1900)
- «Деревня в воздухе» (Le Village aérien, 1901)
- «Россказни Жана-Мари Кабидулена» (Les Histoires de Jean-Marie Cabidoulin, 1901)
- «Братья Кип» (Les Frères Kip, 1902)
- «Путешествия стипендиатов» (Bourses de voyage, 1903)
- «Драма в Лифляндии» (Un Drame en Livonie, 1904)
- «Властелин мира» (Maître du monde, 1904) *P
- «Вторжение моря» (L'Invasion de la mer, 1905)
- «Маяк на краю света» (Le Phare du bout du monde, 1905) – под ред. Мишеля Верна
- «Золотой вулкан» (Le Volcan d'or, 1906) – под ред. Мишеля Верна
- «Агентство Томпсон и К°» (L'Agence Thompson and Co, 1907) – под ред. Мишеля Верна
- «В погоне за метеором» (La Chasse au météore, 1908) – под ред. Мишеля Верна
- «Дунайский лоцман» (Le Pilote du Danube, 1908) – под ред. Мишеля Верна
- «Кораблекрушение “Джонатана”» (Les Naufragés du Jonathan, 1909) – под ред. Мишеля Верна
- «Тайна Вильгельма Шторица» (Le Secret de Wilhelm Storitz, 1910) – под ред. Мишеля Верна
- «Необыкновенные приключения экспедиции Барсака» (L'Étonnante Aventure de la mission Barsac, 1919) – под ред. Мишеля Верна
- «Город будущего» (Paris au XXe siècle, 1863, éd. 1994)

Часть первая

Глава первая. Рыба-молот

26 июля 1864 года при сильном северо-восточном ветре мчалась на всех парах вдоль Северного пролива великолепная яхта. На верхушке ее бизань-мачты развевался английский флаг, а на голубом вымпеле грот-мачты виднелись расшитые золотом, увенчанные герцогской короной инициалы «Э.Г.». Яхта носила название «Дункан». Она принадлежала лорду Эдуарду Гленарвану, одному из шестнадцати шотландских пэров, заседающих в палате лордов, почетному члену известного во всем Соединенном Королевстве Темзинского яхт-клуба.

На борту «Дункана» находились Гленарван, его молодая жена леди Элен и двоюродный брат – майор Мак-Наббс.

Недавно спущенная на воду, яхта заканчивала пробное плавание в нескольких милях от залива Клайда и возвращалась в Глазго.

На горизонте вырисовывался уже остров Арран, как вдруг вахтенный матрос доложил, что за кормой «Дункана» плывет какая-то огромная рыба. Капитан Джон Манглс немедленно приказал сообщить об этом лорду Эдуарду, и тот в сопровождении майора Мак-Наббса не замедлил подняться на ют¹.

– Что это за рыба? – спросил он капитана.

– Я полагаю, сэр, что это крупная акула, – ответил Джон Манглс.

– Акула в здешних водах! – недоверчиво воскликнул Гленарван.

– В этом нет ничего удивительного, – подтвердил капитан, – это рыба-молот – вид акул, встречающийся во всех морях и под всеми широтами. Если я не ошибаюсь, то мы имеем дело

¹ Ют – кормовая часть судна.

с одной из этих подлых тварей. Если разрешите, сэр, и если леди Гленарван доставит удовольствие присутствовать при этой интересной охоте, то мы быстро узнаем, что это за рыба.

– Ваше мнение, Мак-Наббс? – спросил Гленарван майора. – Стоит ли нам заняться этой ловлей?

– Заранее согласен с вашим решением, – флегматично ответил майор.

– Я полагаю, что необходимо уничтожать этих хищных тварей, – заметил Джон Манглс. – Воспользуемся случаем, если вам угодно, – это будет одновременно и захватывающее зрелище и доброе дело.

– Хорошо, приступайте, Джон, – согласился лорд Гленарван.

Он послал предупредить леди Элен, и она, заинтересованная предстоящей необычайной рыбной ловлей, поспешила на ют к мужу.

Море было спокойно, и можно было без труда следить за стремительными движениями хищной рыбы, которая с удивительным проворством то ныряла, то устремлялась вслед за яхтой.

Джон Манглс отдал необходимые распоряжения. Матросы сбросили с правого борта яхты толстый канат с крюком, на конец которого насажена была приманка – большой кусок сала. Прожорливая акула, хотя и находилась ярдах в пятидесяти от «Дункана», но, учув приманку, стрелой понеслась догонять яхту. Теперь отчетливо можно было видеть, как ее плавники, серые на концах и черные у основания, мощно рассекали волны, в то время как ее хвост служил рулем, не позволяя отклониться в сторону. По мере того как она приближалась к приманке, ее огромные выпуклые глаза, казалось, загорались алчностью, а когда она переворачивалась, то широко разевала пасть, усеянную четырьмя рядами зубов. Ее огромная голова напоминала двойной молоток, насаженный на рукоятку. Джон Манглс не ошибся, – действительно, это была самая прожорливая представительница семейства акул: рыба-молот.

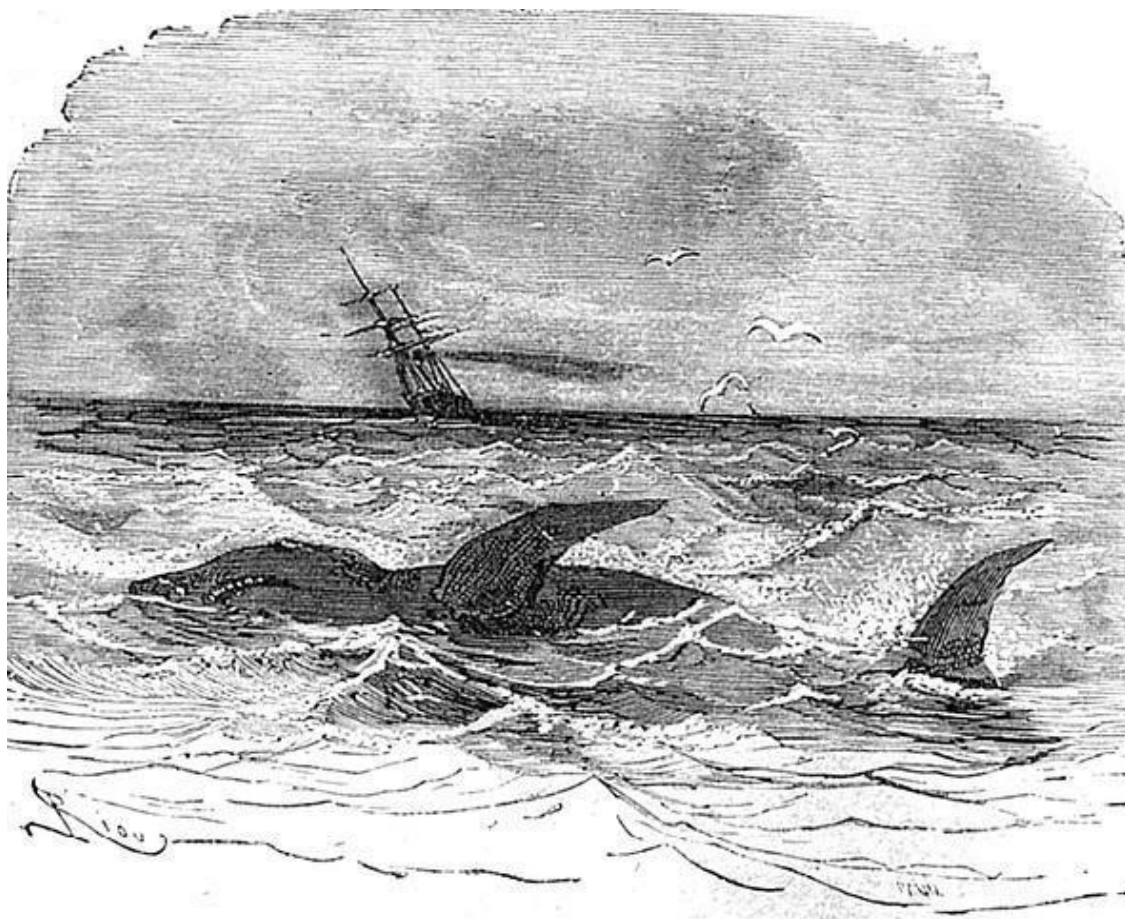
Пассажиры и команда «Дункана» с напряженным вниманием следили за всеми движениями акулы. Вскоре она приблизилась к приманке, стремясь половчее схватить ее, перевернулась на спину, и мгновенно огромный кусок сала исчез в ее пасти.

Сильно дернув канат, акула сама себя «подцепила» на крюк.

Матросы поспешно принялись подтягивать свою добычу при помощи блоков, прикрепленных к грот-рее.

Акула, чувствуя, что ее вытаскивают из родной стихии, яростно забилась, но ее быстро умили. Накинутая на хвост мертвая петля парализовала все ее движения. Спустя несколько мгновений акулу подняли над бортовыми сетками и сбросили на палубу. К ней осторожно приблизился матрос и сильным ударом топора отсек ее страшный хвост.

Ловля окончилась. Больше нечего было опасаться хищницы. Ненависть моряков к акулам была удовлетворена, но их любопытство не угасло. Обычно на всех судах принято тщательно исследовать желудок акул. Матросы, зная ее неразборчивую прожорливость, надеются на какую-нибудь находку, и надежды их порой сбываются.

Леди Гленарван, не пожелав присутствовать при столь отталкивающем зрелище, перешла на рубку. Акула была еще жива. То был крупный экземпляр десяти футов длиной и весом более шестисот фунтов. Такие размеры и вес были обычны для рыбы-молота. Но, не являясь самой крупной среди акул, рыба-молот тем не менее самая опасная.

Вскоре огромную рыбу без всяких церемоний разрубили топором. Крюк проник в глубь желудка, оказавшегося совершенно пустым. Видимо, акула давно голодала. Разочарованные моряки хотели было выбросить тушу в море, как вдруг внимание боцмана привлек какой-то грубый предмет, плотно застрявший в одной из складок утробы хищницы.

– Это что такое? – воскликнул он.

– Это кусок скалы, который акула проглотила, чтобы набить себе желудок, – ответил один из матросов.

– Ну да! – отозвался другой. – Просто-напросто это ядро, которым выпалили в желудок этой твари, только она не успела его переварить.

– Бросьте болтать! – вмешался в разговор помощник капитана Том Остин. – Разве вы не видите, что эта тварь была горькой пьяницей, и, чтобы не потерять ни капли, она вылакала не только вино, но проглотила и бутылку.

– Как! – воскликнул лорд Гленарван. – Бутылка – в желудке акулы?

– Как! – воскликнул лорд Гленарван. – Бутылка – в желудке акулы?

– Да, самая настоящая бутылка, – подтвердил Остин, – только видно, что из погреба она вышла давненько!

– Ну-ка, Том, вытащите бутылку, да осторожнее, – приказал лорд Гленарван: – бутылки, найденные в море, часто содержат важные документы.

– Вы полагаете? – спросил майор Мак-Наббс.

– Да, во всяком случае, это возможно.

– О, не спорю, – отозвался майор, – я вполне допускаю, что бутылка хранит какую-нибудь тайну.

– Сейчас мы узнаем это, – промолвил Гленарван. – Ну, как дела, Том?

– Вот, сэр, – ответил помощник капитана, показывая какой-то бесформенный предмет, который он с трудом извлек из желудка акулы.

– Отлично! – сказал Гленарван. – Прикажите тщательно обмыть эту грязную бутылку и принесите ее в рубку.

Том повиновался, и бутылка, найденная при столь странных обстоятельствах, вскоре очутилась на столе в кают-компании. Вокруг стола разместились: лорд Гленарван, майор Мак-Наббс, капитан Джон Манглс и леди Элен, любопытная, как все женщины.

В море всякий пустяк – событие. Минуту все молчали. Каждый взглядом вопрошал хрупкий сосуд, скрывал ли он тайну какого-нибудь кораблекрушения или только пустяковую записку, вверенную воле волн каким-нибудь скучающим мореплавателем.

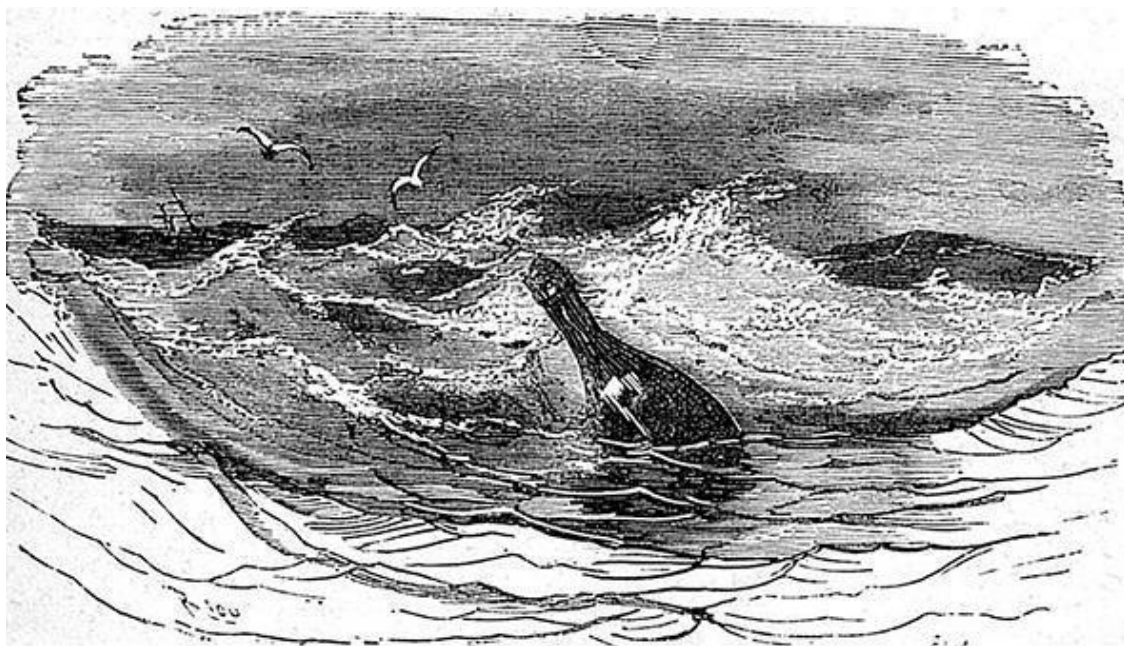
Однако надо было узнать, в чем же дело, и Гленарван тотчас занялся осмотром бутылки, действуя со всей необходимой в таких случаях предосторожностью. Он в эту минуту похож был на коронера², пытающегося напасть на следы важного преступления. И, поступая таким образом, Гленарван был прав, ибо очень часто самая ничтожная на первый взгляд деталь наталкивает на важное открытие.

Прежде чем раскупорить бутылку, Гленарван внимательно осмотрел ее снаружи. На ее длинном, узком, крепком горлышке уцелел обрывок ржавой проволоки. Стенки бутылки, очень плотные, способные выдержать давление в несколько атмосфер, свидетельствовали о том, что бутылка отлита в Шампаньи. Такими бутылками виноделы Аи и Эперне разбивают спинки стульев, причем на стекле не остается даже царапины. Не удивительно, что этот сосуд мог легко перенести все превратности длительного странствия.

– Бутылка из-под клико, – удостоверил майор.

Так как Мак-Наббс слыл знатоком в этой области, то никто его слов не оспаривал.

² *Коронер* – официальное лицо в Англии, ведущее следствие в случае чьей-нибудь внезапной и подозрительной смерти.

– Дорогой майор, – сказала Элен, – что толку в том, какое вино было в этой бутылке, если мы не знаем, откуда она приплыла.

– Мы это узнаем, дорогая Элен, – сказал лорд Гленарван. – Уже и сейчас можно утверждать, что она проделала большой путь. Обратите внимание на известковые отложения, которыми она покрылась под воздействием морской воды. Эта бутылка долго носилась по океану, прежде чем ее проглотила акула.

– Я, безусловно, согласен с вами, – отозвался майор. – Действительно, этот хрупкий сосуд в каменистой оболочке совершил, по-видимому, долгое путешествие.

– Но откуда он? – спросила леди Элен.

– Терпение, терпение, дорогая Элен: в таких случаях необходима выдержка. Мне кажется, что я не ошибусь, считая, что бутылка сама ответит на наши вопросы.

Сказав это, Гленарван начал счищать твердые наросты, предохраняющие горлышко бутылки, – вскоре показалась пробка, сильно попорченная морской водой.

– Досадно! – воскликнул Гленарван. – Если тут хранятся какие-нибудь документы, то они окажутся подмоченными.

– Боюсь, что так, – согласился майор.

– К тому же, – продолжал Гленарван, – эта плохо закупоренная бутылка могла утонуть, но, к счастью, ее вовремя проглотила акула и доставила на борт «Дункана».

– Конечно, – сказал Джон Манглс, – но жаль, что мы не выловили бутылку в открытом море, под определенной широтой и долготой. Тогда, изучив воздушные и морские течения, можно было бы установить пройденный бутылкой путь, а теперь, с таким почтальоном, как акула, плывущим против ветра и течений, будет очень трудно в этом разобраться.

– Посмотрим, – сказал Гленарван и с величайшей осторожностью откупорил бутылку.

По кают-компании распространился крепкий запах морской воды.

– Что там? – с чисто женским нетерпением спросила Элен.

– Да, я был прав, – отозвался Гленарван, – тут есть документы.

– Документы! Документы! – воскликнула леди Элен.

– Но, по-видимому, они отсырели, – заметил Гленарван, – их невозможно извлечь, так крепко они прилипли к стенкам бутылки.

– Разобьем бутылку, – предложил Мак-Наббс.

– Я предпочел бы ее сохранить, – ответил Гленарван.

– И я, – согласился майор.

– Конечно, – вмешалась Элен, – но так как содержимое ценнее содержащего, то я предлагаю пожертвовать последним.

– Достаточно, сэр, отбить горлышко, – посоветовал Джон Манглс, – и можно будет вынуть документы, не повредив их.

– Правильно, дорогой Эдуард! – воскликнула леди Элен.

Иным способом действительно трудно было извлечь бумаги, и лорд Гленарван решил отбить горлышко драгоценной бутылки. Но так как каменистый нарост на бутылке приобрел твердость гранита, пришлось прибегнуть к молотку. Вскоре на стол посыпались осколки стекла и показались слипшиеся клочки бумаги. Гленарван осторожно вынул их, разложил перед собой. Элен, майор и капитан тесным кругом обступили его.

Гленарван осторожно вынул клочки бумаги

Глава вторая. Три документа

Извлеченные из бутылки клочки бумаги были наполовину разъедены морской водой. Из почти расплывшихся строк еле-еле можно было разобрать кое-какие непонятные слова. В течение нескольких минут Гленарван внимательно рассматривал клочки. Он поворачивал их то так, то сяк, разглядывая на свет и изучая малейшие следы уцелевших слов, которые пощадило море. Наконец, он обернулся к друзьям, внимательно смотревшим на него.

– Здесь, – сказал он, – три документа, по-видимому копии одного и того же. Один написан по-английски, второй – по-французски и третий – по-немецки. Несколько уцелевших слов не допускают в этом сомнения.

– А можно уловить смысл документа? – спросила леди Гленарван.

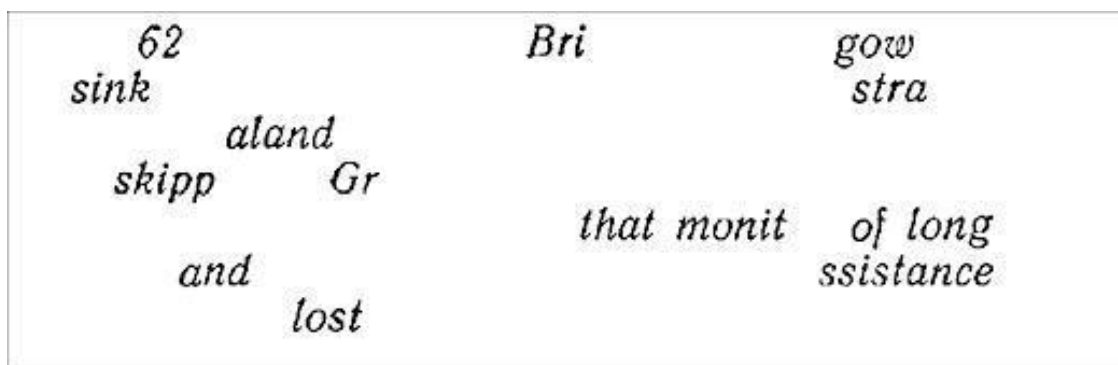
– Трудно утверждать что-нибудь определенное, дорогая Элен, уцелевшие слова слишком отрывочны.

– А может быть, они дополняют друг друга? – спросил майор.

– Несомненно, – ответил Джон Манглс. – Вряд ли морская вода уничтожила в трех документах одни и те же слова. Сличая сохранившиеся обрывки фраз, мы в конце концов доберемся до их смысла.

– Вот этим мы и займемся, – сказал лорд Гленарван, – но будем делать это постепенно. Начнем с английского документа.

В этом документе строки и слова были расположены следующим образом:

– Да, тут трудно что-нибудь понять, – разочарованно сказал майор.

– Во всяком случае, – заметил капитан, – это по-английски.

– Безусловно, – отозвался лорд Гленарван, – слова *sink*, *aland*, *that*, *and*, *lost* уцелели; а *skipp*, очевидно, значит шкипер. Видимо, речь идет о каком-то мистере Гр..., капитане потерпевшего крушение судна³.

– Добавим к этому обрывки слов *monit* и *ssistance*, – сказал Джон Манглс, – смысл их совершенно ясен⁴.

– Ну вот, кое-что мы уже знаем! – воскликнула Элен.

– К сожалению, тут не хватает многих строк, – заметил майор. – Как узнать название погибшего судна и место крушения?

– Узнаем и это, – сказал лорд Гленарван.

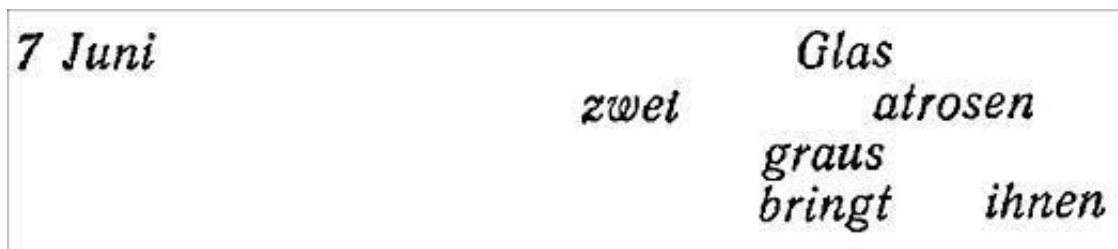
– Безусловно, – согласился майор, всегда присоединявшийся к общему мнению. – Но как?

³ Даикова Е.Р. Записки 1743–1810. Л., 1985. С. 137.

⁴ Monition – документ и assistance – помощь.

- Дополняя один документ другим.
- Так примемся за дело! – взмолилась леди Элен.

Второй клочок бумаги был попорчен сильнее, чем первый. На нем сохранились лишь немногие бессвязные слова, расположенные в следующем порядке:

- Это написано по-немецки, – воскликнул Джон Манглс, взглянув на бумагу.
- А знаете вы этот язык, Джон? – спросил Гленарван.
- Знаю и очень хорошо, сэр.
- Тогда переведите нам эти несколько слов.

Капитан внимательно прочитал документ.

– Прежде всего, – сказал он, – мы можем установить, когда произошло кораблекрушение: 7 Juni, то есть 7 июня; сопоставляя это с цифрой 62 английского текста, мы получим точную дату: 7 июня 1862 года.

- Чудесно! – воскликнула Элен. – Продолжайте, Джон!

– В той же строке я нахожу слово «Glas»; сливая его со словом «gow» первого документа, получаем «Glasgow». Очевидно, речь идет о судне из порта Глазго.

- И я того же мнения, – сказал майор.

– Вторая строка документа совсем расплылась, – продолжал Джон Манглс, – но в третьей я разобрал два очень важных слова: «zwei», что значит «два», и «atrosen», вернее «matrosen», что в переводе значит – «матросы».

- Стало быть, речь идет о капитане и двух матросах? – спросила Элен.

- По-видимому, – ответил лорд Гленарван.

– Признаюсь, сэр, – продолжал капитан, – что следующее слово «graus» ставит меня в тупик. Не знаю, как перевести его. Может быть, это разъяснит третий документ. Что же касается двух последних слов, то их легко понять: «bringt ihnen» значит «окажете им», а если мы свяжем их с английским словом «assistance», которое, подобно им, находится в седьмой строчке первого документа, то они составляют связную фразу: «Окажете им помощь».

– Да! «Окажете им помощь»! – повторил Гленарван. – Но где же находятся эти несчастные? До сих пор у нас не имеется ни малейшего указания на место, где произошла катастрофа?

- Будем надеяться, что французский документ окажется более ясным, – заметила Элен.

– Прочтем теперь французский документ, – сказал Гленарван, – нам это будет нетрудно, так как мы все знаем этот язык.

Вот точное воспроизведение третьего документа:

трех (trois)	ачтовое (ats)	тания (tannia)
	гония (gonie)	южный (austral)
		досту (abor)
контин (contin)	нл (pr)	жесток (cruel)
	брош (jeté)	инд (indi)
и 37°11'	шир (lat)	олго (ongit)

– Тут есть цифры! – воскликнула Элен. – Смотрите, господа! Смотрите!

– Будем действовать постепенно, – сказал лорд Гленарван, – начнем сначала. Разрешите восстановить одно за другим все неполные, отрывочные слова. С первых букв ясно, что речь идет о трехмачтовом судне, название его благодаря сличению английского и французского документов для нас понятно: «Британия». Из следующих двух слов – «гония» и «южный» – понятно только второе.

– Вот это уже ценное указание, – заявил Джол Манглс, – значит, кораблекрушение произошло в Южном полушарии.

– Довольно неопределенно, – заметил майор.

– Продолжаю, – сказал Гленарван. – Слово «достиг» – корень глагола «достигнуть». Эти несчастные пристали к какому-то берегу. Но где? Что значит «контин»? Не континент ли? Затем «жесток»?

– Жестокий! – воскликнул Джон Манглс. – Так вот объяснение немецкого слова «graus»: *grausam* – жестокий!

– Продолжаем! Продолжаем! – сказал Гленарван, интерес которого по мере прояснения смысла документа все возрастал. – Инд... Не идет ли тут речь об Индии, куда эти моряки могли быть выброшены? А что означает слово «олго»? А, долгота! Вот и широта: тридцать семь градусов одиннадцать минут. Наконец-то у нас есть одно точное указание!

– Да, но отсутствует указание долготы, – промолвил Мак-Наббс.

– Не все сразу, дорогой майор, – отозвался Гленарван, – хорошо, что мы уже точно знаем градус широты. Несомненно, этот французский документ – самый полный из трех. Очевидно, каждый является дословным переводом двух других, ибо все содержат одинаковое количество строк. Поэтому надо объединить все три текста, перевести на один какой-нибудь язык и постараться установить общий, наиболее правдоподобный, наиболее логичный и наиболее полный их смысл.

– А на какой же язык вы собираетесь перевести документ? – спросил майор.

– На французский, – ответил Гленарван, – так как лучше всего сохранился текст именно французского документа.

– Вы правы, сэр, – согласился Манглс. – К тому же этот язык всем нам хорошо знаком.

– Итак, решено! Я соединю обрывки этих слов и фраз и дополню пробелы теми обрывками слов, смысл которых ясен, а затем мы сравним и обсудим.

Гленарван тотчас же взялся за перо и через несколько минут подал своим друзьям бумагу, где было написано следующее:

7 июня 1862 трехмачтовое судно «Британия» Глазго
потерпело крушение гони южн
 берег два матроса
капитан Гр дости
 контин пл жесток инд
брошен этот документ долготы
и 37° 11 широты окажите им помощь
 погибнут

В эту минуту появился матрос и доложил капитану, что «Дункан» вошел в залив Клайда, и спросил, какие будут приказания.

– Каковы ваши намерения, сэр? – обратился Джон Манглс к Гленарвану.

– Как можно скорее прибыть в Думбартон, Джон. Оттуда леди Элен поедет домой, в Малькольм-Касл, а я отправлюсь в Лондон, чтобы вручить этот документ в адмиралтейство.

Джон Мангис отдал соответствующие приказания, и матрос пошел передать их помощнику капитана.

– А теперь, друзья мои, – сказал Гленарван, – будем продолжать нашу расшифровку. Мы попали на след страшной катастрофы. От нашей догадливости зависит жизнь нескольких людей. Напряжем наш ум и постараемся найти ключ к этой загадке.

– Мы готовы, дорогой Эдуард, – ответила леди Элен.

– Прежде всего, – продолжал Гленарван, – выделим из этого документа: во-первых, часть, которая нам ясна, во-вторых, часть, которая позволяет нам делать некоторые предположения, в-третьих, – что нам неизвестно. Что нам известно? Известно, что седьмого июня тысяча восемьсот шестьдесят второго года трехмачтовое судно «Британия», отплывшее из порта Глазго, потерпело крушение, что его два матроса и капитан бросили в море под широтой тридцать семь градусов одиннадцать минут этот документ и что они просят помощи.

– Совершенно правильно, – подтвердил майор.

– Что можно предположить? – продолжал Гленарван. – Прежде всего, что крушение произошло в южных морях, и здесь прошу вас обратить внимание на обрывок слова «*gonie*». Не есть ли это название страны?

– *Патагония!* – воскликнула леди Элен.

– Правильно.

– Но разве тридцать седьмая параллель пересекает Патагонию? – спросил майор.

– Это легко проверить, – ответил Джон Манглс, разворачивая карту Южной Америки. – Совершенно верно! Тридцать седьмая параллель пересекает Арауканию⁵, проходит по пампасам вдоль северных границ Патагонии и теряется в водах Атлантического океана.

– Хорошо! Продолжим расшифровку. Два матроса и капитан «*достиг*» (*abor*) – достигли... чего? «*контин*» (*contin*) – континента. Обратите на это внимание: не острова, а континента. Какая же судьба постигла их? К счастью, тут стоят две буквы «*пл*» (*pr*); они рассказывают нам судьбу несчастных. Они в плену – «*пленники*». Чьи пленники? «*Инд*» (*indi*) – «*жестоких индейцев*». Достаточно убедительно? Разве недостающие слова не просятся сами собой на пробелы? Разве смысл документа не проясняется на ваших глазах? Разве не догадываетесь вы о дальнейшем?

⁵ *Араукания* – территория Чили, населенная индейцами-арауканами.

Гленарван говорил убежденно, его энтузиазм внушал непоколебимую уверенность, его воодушевление передавалось присутствующим, и они хором воскликнули:

– Бесспорно! Бесспорно!

Помолчав, Гленарван продолжал:

– Друзья мои, все эти предположения кажутся мне весьма правдоподобными. Полагаю, что катастрофа произошла у берегов Патагонии. Впрочем, я наведу справки в Глазго о маршруте «Британии», и тогда нам станет ясно, могла ли она оказаться в этих водах.

– Зачем ехать в Глазго, – сказал Джон Манглс, – у меня есть здесь комплект «Торговой и мореходной газеты», и мы узнаем все, что нам надо.

– Давайте посмотрим! – воскликнула леди Гленарван.

Джон Манглс взял комплект номеров газеты за 1862 год и стал бегло просматривать их. Вскоре он с удовлетворением прочел:

– «Тридцатого мая тысяча восемьсот шестьдесят второго года. Перу. Кальяо. Место назначения Глазго, “Британия”, капитан Грант».

– Грант! – воскликнул Гленарван. – Уж не тот ли это отважный шотландец, который мечтал основать новую Шотландию на одном из островов Тихого океана?

– Да, – ответил Джон Манглс, – это тот самый Грант. В тысяча восемьсот шестьдесят первом году он отплыл из Глазго на «Британии», и с тех пор о нем ничего не слышно.

– Нет никаких сомнений! – воскликнул Гленарван. – Это он! «Британия» отплыла из Кальяо тридцатого мая, а седьмого июня, спустя неделю, потерпела крушение у берегов Патагонии. Теперь вся история этой катастрофы раскрылась перед нами. Вы видите, друзья мои, мы нашли ключ к решению почти всей загадки, и единственным неизвестным теперь является долгота, где произошло крушение.

– Но долгота и не нужна! – заявил Джон Манглс. – Зная страну и широту, я берусь найти место бедствия.

– Следовательно, нам все известно? – спросила леди Гленарван.

– Все, дорогая Элен, и я могу заполнить теперь то, что смыла морская вода, с такой легкостью, словно писал бы этот документ под диктовку самого капитана Гранта.

Тут Гленарван снова взял перо и, не колеблясь, написал следующее:

«7 июня 1862 года трехмачтовое судно “Британия”, из порта Глазго, потерпело крушение у берегов Патагонии в Южном полушарии. Два матроса и капитан Грант попытаются достичь берега, где окажутся в плену у жестоких индейцев. Они бросили этот документ под... градусами долготы и 37°11' широты. Окажите им помощь, или они погибнут».

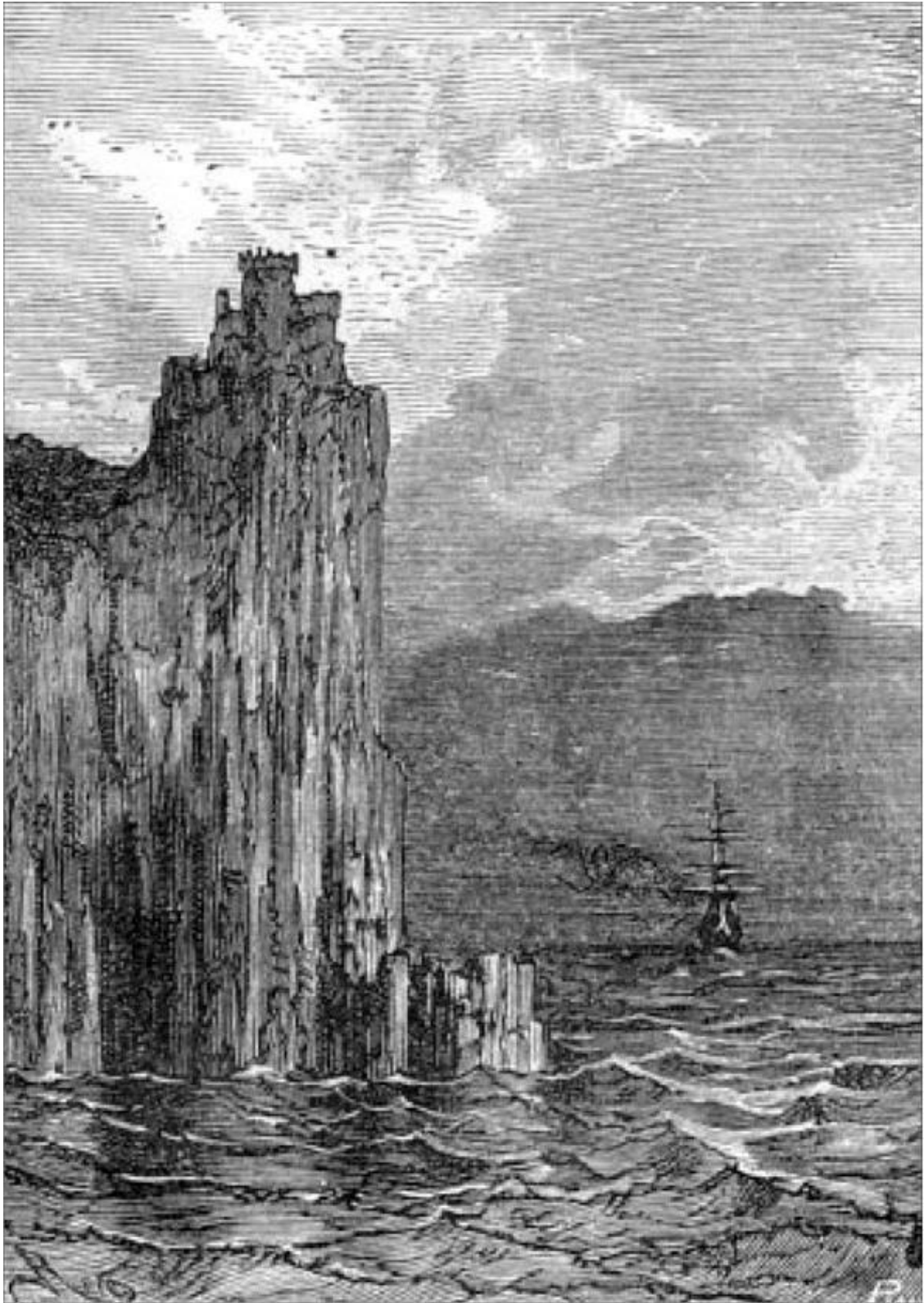
– Хорошо! Хорошо, дорогой Эдуард! – воскликнула леди Элен. – Если этим несчастным суждено когда-нибудь вновь увидеть свою родину, то они будут обязаны вам своим спасением.

– Они увидят ее! – ответил Гленарван. – Теперь этот документ совершенно точен, совершенно ясен, совершенно достоверен, и Англия, не задумываясь, придет на помощь трем своим сынам, заброшенным на пустынный морской берег. То, что она когда-то сделала для Франклина и для многих других, то она сделает и для потерпевших крушение на «Британии».

– Но ведь у этих несчастных, – сказала Элен, – несомненно, остались семьи, которые оплакивают их гибель. Быть может, у бедного капитана Гранта есть жена, дети...

– Вы правы, дорогая моя, и я немедленно уведомлю их, что не вся надежда на спасение утрачена. А теперь, друзья мои, поднимемся на палубу, вероятно, мы приближаемся к порту.

Действительно, «Дункан», ускорив ход, шел в эту минуту вдоль берегов Бутла, оставив справа от себя Ротсей, очаровательный маленький городок, приютившийся в плодородной долине. Яхта вышла в узкий фарватер залива, проплыла мимо Гринока и в шесть часов вечера бросила якорь у подножья базальтовой скалы Думбартона, на вершине которой высился знаменитый замок шотландского героя Уоллеса.

Яхта вышла в узкий фарватер залива, проплыла мимо Гринока и в шесть часов вечера бросила якорь у подножья базальтовой скалы Думбартона

На пристани ждал экипаж, который должен был отвезти Элен и майора Мак-Наббса в Малькольм-Касл; Гленарван, обняв молодую жену, поспешил к поезду, отправлявшемуся в Глазго.

Но перед отъездом он прибегнул к быстрейшему способу извещения – телеграфу, и несколько минут спустя в редакции газет «Таймс» и «Морнинг кроникл» пришло следующее сообщение:

«За справками о судьбе трехмачтового судна “Британия” из Глазго и о капитане Гранте обращаться к лорду Гленарвану, Малькольм-Касл, Люсс, графство Думбартон, Шотландия».

Глава третья. Малькольм-Касл

Малькольм-Касл, один из самых поэтических замков горной Шотландии, расположен вблизи деревни Люсс над живописной долиной. Прозрачные воды озера Ломонд омывают гранит его стен. С незапамятных времен замок принадлежал роду Гленарван, сохранившему на родине Роб-Роя и Фергуса Мак-Грегора гостеприимные обычаи старинных героев Вальтера Скотта.

Когда в Шотландии вспыхнула революция, то у многих вассалов, которые не могли уплатить своим бывшим ленным землевладельцам высокую арендную плату, земли были конфискованы. Некоторые из них погибли от голода, другие стали рыбаками, а иные эмигрировали. Отчаяние охватило всех. Одни только Гленарваны полагали, что верность данному слову обязательна для всех людей как знатных, так и простых и не нарушили договоров со своими арендаторами. Ни один из них не покинул родной кров, не расстался с землей, где покоился прах его предков, все продолжали жить на тех же землях, которые некогда арендовали у своих господ. Итак, в эту эпоху всеобщей ненависти и вражды у Гленарвана, как в замке Малькольм-Касл, так и на борту «Дункана», служили лишь шотландцы. Все были потомками бывших вассалов Мак-Грегора, Мак-Фарлана, Мак-Наббса, Мак-Ногтона, все были уроженцами Стерлинга или Думбартона, все – люди честные, душой и телом преданные своему господину. Некоторые говорили даже на гэльском языке горной Шотландии.

У лорда Гленарвана было огромное состояние. Он делал много добра, и его доброта превосходила даже его щедрость, ибо доброта неисчерпаема, а щедрость имеет пределы.

Землевладелец Люсса, лерд Малькольм являлся в палате лордов представителем своего графства. Будучи иакобитом (сторонником Стюартов), он отнюдь не заискивал у Ганноверского дома и не был в чести у государственных мужей Англии, главным образом, потому, что придерживался обычаев своих предков и стойко противился политическому нажиму «этих южан».

Но лорд Гленарван не был ни реакционером, ни человеком ограниченного ума и узких воззрений. В своем графстве он поощрял все передовое, в душе же оставался страстным патриотом-шотландцем, и, участвуя в состязаниях Королевского Темзинского яхт-клуба, радел лишь о славе родной Шотландии.

Эдуарду Гленарвану было тридцать два года. Он был высокого роста, с несколько суровыми чертами лица, но необыкновенно добрыми глазами. От него так и веяло поэзией горной Шотландии. Он слыл человеком исключительной отваги, предприимчивым и благородным. Это был Фергус XIX столетия, необычайно добрый, совершеннее, чем сам святой Мартин, способный единственное рубище свое отдать бедняку.

Лорд Гленарван был женат всего три месяца. Его жена, Элен, была дочерью известного путешественника Вильяма Туффнеля, ставшего, как многие другие, жертвой страсти к географическим открытиям.

Элен не принадлежала к дворянскому роду, но она была чистокровной шотландкой, что в глазах лорда Гленарвана было выше всякого дворянства. Он избрал в подруги жизни эту прелестную, мужественную, самоотверженную девушку. Он встретился с ней после смерти ее отца, когда она одиноко жила в Кильпатрике в родительском доме, почти без всяких средств. Гленарван сразу понял, что эта бедная девушка будет преданной женой, и женился на ней. Элен было двадцать два года. Это была блондинка с глазами голубыми, как воды шотландских озер в радостное весеннее утро. Ее любовь к мужу превосходила чувство благодарности к нему: она любила его так, словно он был заброшенным сиротой, а она богатой наследницей. Фермеры и слуги готовы были отдать жизнь за нее, они называли ее «наша добрая госпожа из Люсс».

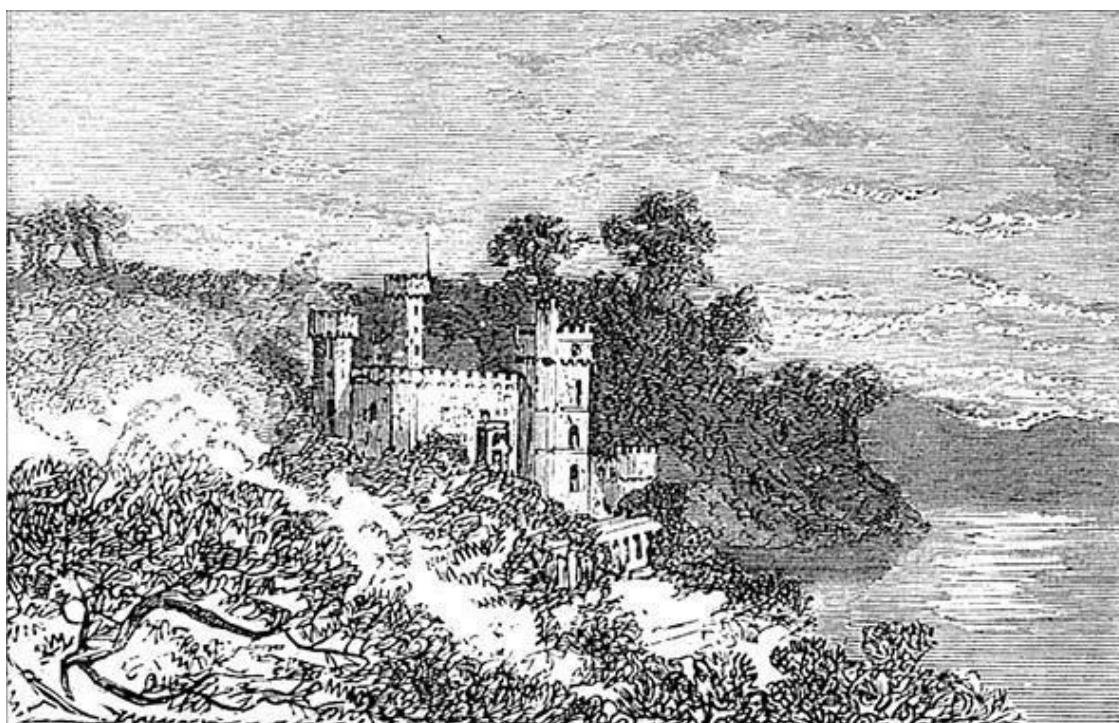

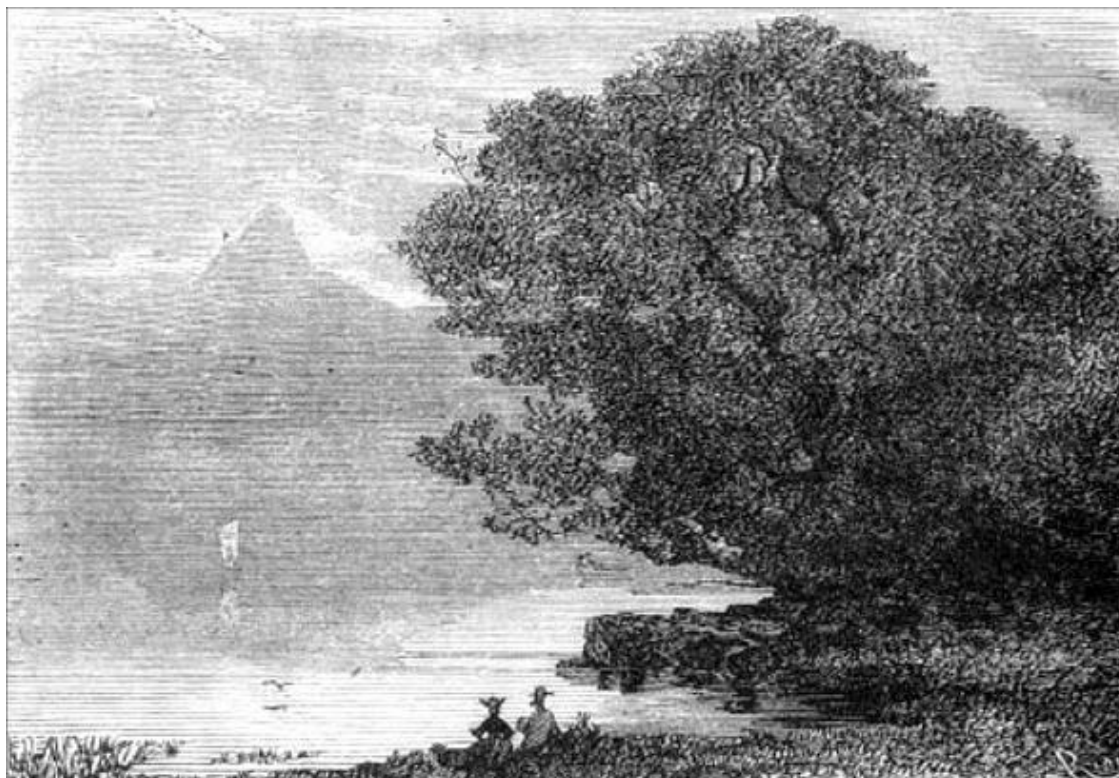
Молодые супруги жили счастливо в Малькольм-Касле среди чудесной и дикой природы горной Шотландии. Они гуляли под тенистыми сводами аллей дубов и кленов, по берегам озер, где порой звучали еще пиброксы⁶, спускались в дикие ущелья, где вековые руины повествовали об истории Шотландии. То они углублялись в чащу березовых и хвойных лесов, высившихся среди просторных лугов с пожелтевшим вереском, то назавтра взбирались на крутые вершины Бенломона или скакали верхом по пустынным долинам, любуясь, ощущая, любя этот полный поэзии край, который еще до сей поры называют «краем Роб-Роя», восхищаясь знаменитыми местами, которые столь вдохновенно воспел Вальтер Скотт. По вечерам, когда на горизонте зажигался «Фонарь Мак-Фарлана» – луна, они уходили бродить вдоль старинной кольцевой галереи, опоясывавшей зубчатыми стенами замок Малькольм. Там, задумчивые, одинокие,

⁶ Пиброксы – древнешотландские песни.

словно забытые всем миром, сидели они на камнях, отколовшихся от скал, окруженные безмолвием, освещенные бледными лучами луны, а ночной сумрак медленно окутывал темнеющие горы. Долго оставались они, погруженные в тот возвышенный восторг, в ту духовную близость, тайной которых владеют лишь любящие сердца.

Так прошли первые месяцы супружества. Но лорд Гленарван не забывал, что его жена – дочь известного путешественника. Ему казалось, что Элен, должно быть, унаследовала страсть отца к путешествиям, и он был прав. Был построен «Дункан», яхта, которая должна была перенести лорда и леди Гленарван в самые дивные уголки земного шара, к островам Архипелага, в воды Средиземного моря. Легко представить себе радость Элен, когда муж передал «Дункан» в ее полное распоряжение. Действительно, есть ли большее блаженство, чем плыть с любимым вдоль прекрасных берегов Греции и переживать медовый месяц у сказочных восточных берегов.

А вот теперь Гленарван уехал в Лондон. Но ведь речь шла о спасении потерпевших кораблекрушение, а потому внезапный отъезд мужа не печалил Элен. Она лишь нетерпеливо поджидала его. Телеграмма, полученная на следующий день, известила о его скором возвращении, но вечером пришло письмо, из которого она узнала, что он задерживается в Лондоне вследствие некоторых возникших по его делу затруднений. На третий день она получила новое письмо, в котором лорд Гленарван не скрывал своего недовольства адмиралтейством.

Леди Элен начала тревожиться за исход дела. Вечером, когда она была одна в комнате, вошел управляющий замком Хальбер и спросил, не угодно ли ей принять молодую девушку и мальчика, спрашивающих лорда Гленарвана.

– Они местные жители? – спросила Элен.

– Нет, – ответил управляющий, – я их не знаю. Они ехали поездом до Баллоха, а оттуда пришли пешком в Люсс.

– Просите их ко мне, Хальбер, – сказала леди Элен.

Управляющий вышел. Через несколько минут в комнату Элен вошли молоденькая девушка и мальчик. Это были брат и сестра. Сходство было столь велико, что не оставляло в этом сомнений. Сестре было лет шестнадцать. Ее красивое, немного утомленное лицо, ее глаза, видимо пролившие уже немало слез, ее грустное, но не робкое выражение лица, ее бедная, но опрятная одежда – все располагало в ее пользу. Она держала за руку мальчика лет двенадцати с очень решительным выражением лица. Казалось, что он считает себя защитником сестры. Да! Конечно, каждому, кто осмелился бы недостаточно почтительно отнестись к девушке, пришлось бы иметь дело с этим мальчуганом.

Сестра, очутившись перед леди Элен, слегка смутилась, но та поспешила заговорить с ней.

– Вы желали поговорить со мной? – спросила она, ободряюще глядя на девушку.

– Нет, – определенно заявил мальчик, – мы хотели говорить с лордом Гленарваном.

– Извините его, сударыня, – проговорила девушка, укоризненно посмотрев на брата.

– Лорда Гленарвана сейчас нет в замке, – пояснила леди Элен, – но я его жена, и если могу заменить...

– Вы леди Гленарван? – спросила девушка.

– Да, мисс.

– Жена лорда Гленарвана из Малькольм-Касла, поместившего в газете «Таймс» объявление о крушении «Британии»?

– Да, да! – поспешно ответила Элен. – А вы...

– Я дочь капитана Гранта, а это мой брат.

– Мисс Грант! Мисс Грант! – воскликнула леди Элен, обняв девушку и целуя мальчугана в пухлые щеки.

– Я дочь капитана Гранта, а это мой брат

– Сударыня, – взволнованно обратилась к Элен мисс Грант, – что вам известно о кораблекрушении, которое потерпела «Британия»? Жив ли отец? Увидим ли мы его когда-нибудь? Скажите, умоляю вас!

– Милая девочка! Я не хочу внушать вам призрачных надежд.

– Говорите, сударыня, говорите! Я много испытала и готова ко всему.

– Милое дитя, – ответила Элен, – хотя надежды очень мало, но с помощью всемогущего Бога, быть может, настанет день, когда вы снова увидите вашего отца.

– Боже мой, боже мой!.. – воскликнула мисс Грант и, не в силах более сдерживаться, разрыдалась.

Роберт горячо целовал руки Элен Гленарван.

Когда миновал первый порыв этой горестной радости, молодая девушка засыпала Элен бесчисленными вопросами. Та рассказала ей историю находки документов и их содержание. Дети узнали, что «Британия» потерпела крушение у берегов Патагонии, что капитан и два матроса, спасшиеся после катастрофы, по-видимому, добрались до материка, и, наконец, что они написали записки на трех языках, взывавшие о помощи ко всему свету, и доверили их прихоти океана.

Во время этого рассказа Роберт Грант не спускал глаз с Элен. Казалось, его жизнь зависела от ее слов. Детское воображение воссоздавало ужасные сцены, пережитые отцом. Он видел его на палубе «Британии», он плыл вместе с ним по волнам, вместе с ним он цеплялся за прибрежные скалы, задыхаясь, полз по песку за черту прибоя. Много раз во время рассказа мальчик восклицал:

– О, мой бедный отец! – И крепче прижимался к сестре.

Мисс Грант выслушала рассказ со сложенными руками, не проронив ни слова.

– А документ, покажите мне документ, сударыня! – воскликнула молодая девушка, как только Элен закончила рассказ.

– У меня его нет, милая девочка, – ответила та.

– У вас его нет!

– В интересах вашего отца лорд Гленарван увез документ в Лондон. Но я дословно передала вам его содержание и рассказала, каким образом удалось его прочесть. Среди обрывков почти смытых фраз волны пощадили несколько цифр, но, к несчастью, долгота...

– Обойдемся без нее! – воскликнул мальчуган.

– Конечно, мистер Роберт, – согласилась Элен, улыбаясь решительности юного Гранта. – Итак, мисс Грант, – обратилась она снова к молодой девушке, – вам известны малейшие подробности документа так же хорошо, как и мне самой.

– Да, сударыня, – ответила девушка, – но я хотела бы видеть почерк отца!

– Что ж, быть может, завтра лорд Гленарван возвратится домой. Имея в руках столь неоспоримый документ, он решил представить его в адмиралтейство и добиться немедленной отправки судна на поиски капитана Гранта.

– Возможно ли это! – воскликнула девушка. – Неужели вы сделаете это для нас?

– Да, дорогая, и я с минуты на минуту жду мужа.

– Сударыня, – с глубокой признательностью пылко воскликнула девушка, – пусть Бог благословит вас и лорда Гленарвана.

– Милая девочка, – ответила Элен, – мы не заслуживаем никакой благодарности: всякий на нашем месте сделал бы то же самое. Лишь бы оправдались наши надежды! А до возвращения мужа вы, разумеется, останетесь в замке...

– Сударыня, я не смею злоупотреблять вашей добротой, ведь мы для вас чужие люди.

– Чужие! Нет, милое дитя, ни вы, ни ваш брат не чужие в этом доме. Я хочу, чтобы лорд Гленарван, вернувшись домой, рассказал детям капитана Гранта, что предпринято для спасения их отца.

Невозможно было отказаться от столь радушного приглашения. Мисс Грант и ее брат остались в Малькольм-Касте ожидать возвращения Гленарвана.

Глава четвертая. Предложение Элен Гленарван

Говоря с детьми капитана Гранта, леди Элен умолчала о тех затруднениях, которые встретил в адмиралтействе лорд Гленарван. Не намекнула она также ни одним словом на вероятность того, что капитан Грант попал в плен к южноамериканским индейцам. К чему было огорчать бедных детей и омрачать только что вспыхнувшую в них надежду. Это все равно не меняло бы положение дел. Итак, умолчав обо всем этом и ответив на все вопросы мисс Грант, Элен в свою очередь стала расспрашивать молодую девушку о ее жизни, о ее положении в этом мире, где, как это выяснилось, она была единственной опорой брата.

Простой и трогательный рассказ молодой девушки еще больше расположил к ней Элен Гленарван.

Мери и Роберт были единственными детьми капитана Гранта. Гарри Грант лишился жены при рождении Роберта и на время своих длительных отлучек поручал детей заботам своей доброй старой двоюродной сестры. Капитан Грант был отважным моряком, прекрасно знавшим свое дело. Будучи одновременно и опытным мореплавателем и опытным купцом, он объединял таким образом в себе дарования, необходимые для шкипера морского флота. Жил он в Шотландии, в городе Дунде графства Перт, и был коренным шотландцем. Отец его, министр при Сент-Катрин Шурш, дал ему прекрасное образование, считая, что знания никогда никому не могут повредить, даже капитану дальнего плавания.

Первые дальние плаванья Гарри Гранта, сначала в качестве помощника капитана, а затем капитана, были удачны, и через несколько лет после рождения сына он уже обладал кое-какими сбережениями.

Вот тогда-то его осенила смелая мысль, создавшая ему популярность в Шотландии. Капитан Грант, подобно Гленарвану, как и ряд других знатных шотландских семейств, считал Англию поработительницей Шотландии. По мнению Гранта, интересы его родины не совпадали с интересами англосаксов, и он решил основать шотландскую колонию на одном из островов Тихого океана. Мечтал ли он, что эта колония когда-нибудь, по образцу Соединенных Штатов Америки, добьется независимости? Той независимости, которую неизбежно, рано или поздно, завоюют Индия и Австралия? Возможно! Быть может, он даже выдал кое-кому свои тайные помыслы. Не удивительно поэтому, что английское правительство отказалось содействовать осуществлению его планов. Больше того, оно чинило капитану Гранту всяческие препятствия, которые в любой иной стране сломили бы человека, но он не пал духом, он воззвал к патриотизму соотечественников, построил, отдав свое состояние, судно «Британия» и, подобрав отборную команду, отплыл исследовать крупные острова Тихого океана. Детей же оставил на попечении старой двоюродной сестры. Это было в 1861 году. В течение следующего года, вплоть до мая 1862 года, он давал о себе знать. Но после отплытия из Кальяо, в июне месяце 1862 года, никто ничего не слышал о «Британии», и «Газетт маритим» упорно молчала о судьбе капитана Гранта.

Сестра Гарри Гранта неожиданно умерла, и дети остались одни. Мери Грант было в ту пору четырнадцать лет. Мужественная девочка, оказавшись в столь тяжелом положении, не пала духом и всецело посвятила себя воспитанию брата, еще совсем ребенка. Благоразумная и предусмотрительная, ценой жестокой экономии, работая день и ночь, она отказывала себе во всем ради брата и, воспитывая его, сумела заменить ему мать.

Осиротевшие дети жили в Дунде, мужественно борясь с нуждой. Эта юная пара была трогательна. Мери думала лишь о брате, мечтая для него о счастливом будущем. Она была – увь! – твердо убеждена в том, что «Британия» погибла и отца больше нет в живых. Легко представить себе волнение Мери, когда случайно попавшееся ей на глаза объявление в «Таймсе» вывело ее из того отчаяния, в которое она была погружена.

Не колеблясь, она решила тотчас же действовать. Если б она даже узнала, что тело капитана Гранта найдено на пустынном берегу среди обломков потерпевшего аварию судна, то это было бы лучше, чем непрестанное сомнение, вечная пытка неизвестности. Она все рассказала брату. В тот же день дети капитана Гранта сели в поезд, направлявшийся в Перт, и вечером прибыли в Малькольм-Касл, где Мери после стольких душевных мук вновь обрела надежду.

Вот трогательная история, которую Мери Грант поведала леди Гленарван. Она рассказала обо всем просто, даже не подозревая, что в долгие годы испытаний она вела себя как героиня.

Элен была расстрогана до слез, и, слушая грустную повесть Мери, она не один раз обнимала детей.

Роберту казалось, что он узнал эту историю в первый раз, и он слушал рассказ сестры с широко раскрытыми глазами. Он впервые понял, сколь многим обязан сестре, как много она выстрадала. Крепко обняв ее, мальчик вскричал:

– Ах, мамочка, дорогая моя мамочка!

Этот крик вырвался из глубины его сердца.

Наступила ночь, и леди Элен, понимая, что дети устали, прервала беседу. Мери и Роберта Гранта отвели в предназначенные им комнаты, и они уснули, мечтая о светлом будущем.

После их ухода Элен попросила к себе майора и вкратце поведала ему происшествие этого вечера.

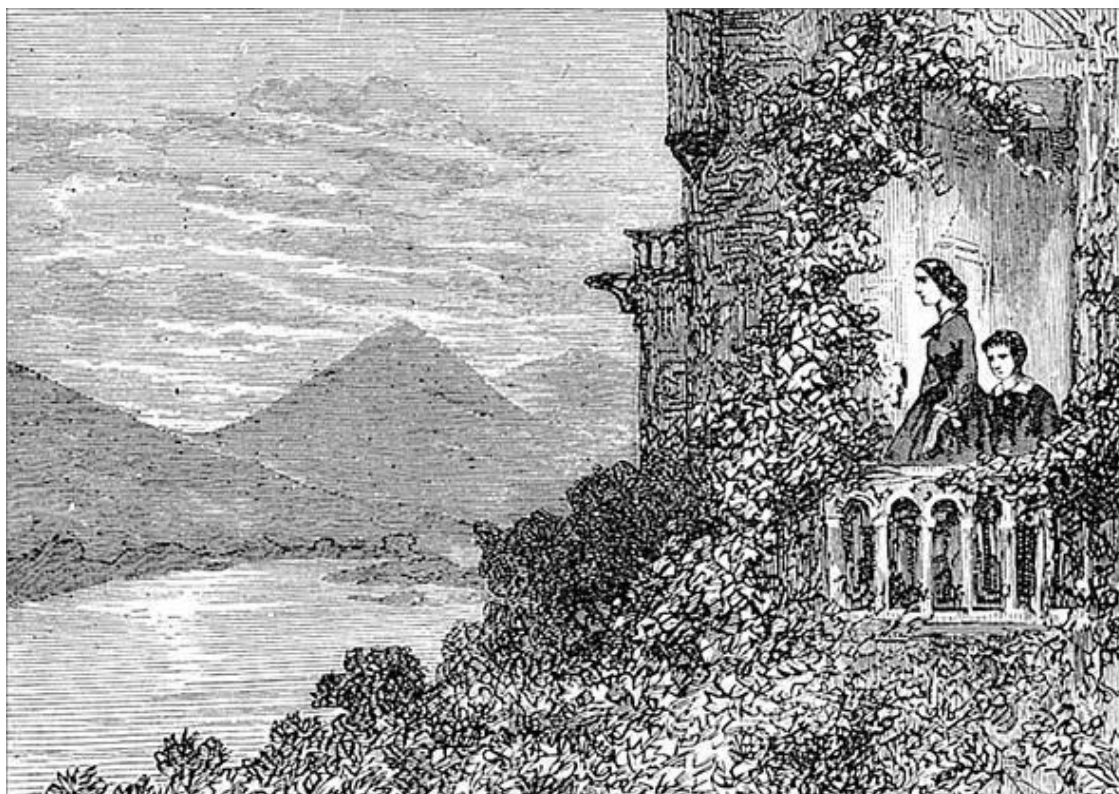
– Какая славная девушка, эта Мери Грант, – сказал Мак-Наббс, выслушав рассказ Элен.

– Лишь бы мужу удалось добиться успеха в этом деле, – промолвила Элен, – иначе положение детей действительно будет ужасным!

– Гленарван добьется своего, – отозвался Мак-Наббс. – Если только у лордов адмиралтейства сердца не тверже портлендского цемента.

Несмотря на это заверение, Элен провела очень беспокойную ночь.

На следующее утро Мери и Роберт, проснувшись с зарей, прогуливались по обширному двору замка, как вдруг послышался шум приближающегося экипажа. Лорд Гленарван возвращался в Малькольм-Касл. Лошади мчались во весь опор.

Тотчас же во дворе появилась Элен в сопровождении майора и бросилась навстречу мужу.

Он казался печальным, разочарованным, гневным. Он молча обнял жену.

– Ну что, Эдуард? – спросила Элен.

– Плохо, дорогая Элен, это люди без сердца! – ответил лорд Гленарван.

– Они отказали?

– Да, отказались послать судно! Они говорили о миллионах, зря затраченных на розыски Франклина. Они утверждали, будто документ неясен, непонятен. Они говорили, что катастрофа эта относится к отдаленному времени, что прошло уж два года, и найти пострадавших очень мало шансов. Они уверяли, что индейцы давно уже увели их в глубь страны, что нельзя, наконец, обыскать всю Патагонию ради трех человек – к тому же шотландцев! Эти, мол, рискованные, безрезультатные поиски погубят больше людей, нежели спасут жизней. Словом, они привели все возражения людей, решивших отказать в помощи. Они помнят о проектах капитана, и несчастный Грант безвозвратно погиб!

– Отец! Бедный мой отец! – воскликнула Мери Грант, падая на колени перед лордом Гленарваном.

– Ваш отец? – спросил недоуменно Гленарван, глядя на девушку у своих ног. – Неужели, мисс...

– Да, Эдуард, – вмешалась Элен, – это мисс Мери и ее брат Роберт – дети капитана Гранта, которых адмиралтейство только что обрело на сиротство.

– Ах, мисс, – сказал Гленарван, помогая девушке подняться, – если б я знал о вашем присутствии...

Он умолк. Тягостное молчание, прерываемое рыданиями, воцарилось во дворе замка. Никто не проронил ни слова: ни Гленарван, ни Элен, ни майор, ни слуги, безмолвно стоявшие вокруг своих хозяев. Но по всему видно было, что эти шотландцы возмущены поведением английского адмиралтейства.

– Бедный мой отец! – воскликнула Мери Грант, падая на колени перед Гленарваном

После нескольких минут молчания майор спросил Гленарвана:

– Итак, у вас нет никакой надежды?

– Никакой!

– Ну что ж! В таком случае, я сам отправлюсь к этим господам, – воскликнул юный Роберт, – и мы посмотрим...

Сестра не дала ему договорить, но сжатый кулак мальчугана указывал на его отнюдь не миролюбивые намерения.

– Нет, Роберт, нет! – проговорила Мери Грант. – Поблагодарим великодушных господ этого замка за все, что они для нас сделали, – мы никогда в жизни не забудем этого, – и уедем.

– Мери! – воскликнула леди Элен.

– Что вы собираетесь предпринять? – спросил лорд Гленарван молодую девушку.

– Я брошусь к стопам королевы, – ответила девушка, – и посмотрим, останется ли она глуха к мольбам детей, просящих спасти жизнь их отца.

Гленарван покачал головой: и не потому, что сомневался в добром сердце Ее Величества, а потому, что знал, – Мери Грант не допустят до королевы.

Слишком редко доходят мольбы до подножия трона, и кажется, что над входом царских дворцов начертаны слова, которые англичане помещают у штурвала своих кораблей: «Passengers are requested not to speak to the man at the wheel»⁷.

Леди Элен поняла мужа. Она знала, что попытка девушки обречена на неудачу. Пред ней предстала несчастная участь этих детей. Но тут ее осенила великодушная и благородная мысль.

– Мери Грант! – воскликнула она. – Подождите, мое дитя. Выслушайте меня.

Девушка, держа брата за руку, собиралась уходить. Она остановилась.

Элен, взволнованная, с влажными, полными слез глазами, обратилась к мужу.

– Эдуард! – сказала она твердым голосом. – Капитан Грант, бросая в море это письмо, вверял свою судьбу тому, кому оно попадет в руки. Оно попало к нам...

– Что вы хотите сказать этим, Элен? – спросил Гленарван.

Все вокруг молчали.

– Я хочу сказать, – продолжала Элен, – что начать супружескую жизнь добрым делом, это – счастье. Вы, Эдуард, собирались предпринять увеселительную поездку, но какое удовольствие может сравниться со счастьем спасти жизнь обездоленным людям, которых собственная родина бросила на произвол судьбы.

– Элен! – воскликнул Гленарван.

– Вы поняли меня, Эдуард? «Дункан» – прочное судно. Оно смело может плавать в Южных морях. Оно совершит кругосветное путешествие, если понадобится. Едем, Эдуард! Едем на поиски капитана Гранта!

При этих словах Гленарван обнял свою молодую жену. Он улыбался, а Мери и Роберт целовали ей руки. Во время этой трогательной сцены слуги замка, умиленные и взволнованные, оглашали воздух восторженными криками:

– Ура! Да здравствует наша молодая хозяйка замка! Ура! Трижды ура лорду и леди Гленарван!

⁷ Просят пассажиров не разговаривать с рулевым.

Глава пятая. Отплытие «Дункана»

Мы уже говорили, что леди Элен обладала мужественным и великодушным сердцем. Ее предложение бесспорно доказывало это. Лорд Гленарван вправе был гордиться такой благородной женой, способной понимать его и идти с ним рука об руку. Еще в Лондоне, когда его ходатайство было отклонено, ему пришла в голову мысль самостоятельно организовать поиски капитана Гранта. Он не заговорил о ней первый только потому, что не мог еще привыкнуть к мысли о разлуке с Элен. Но когда Элен это предложила, никаким колебаниям не могло быть места. Слуги замка восторженно приветствовали это предложение – ведь речь шла о спасении братьев по крови, таких же шотландцев, как они. И лорд Гленарван от всего сердца присоединил свой голос к крикам «ура» в честь молодой госпожи Малькольм-Касла.

Поскольку отплытие было решено, каждая минута была на счету. В тот же день лорд Гленарван послал Джону Манглсу приказ привести «Дункан» в Глазго и сделать все необходимые приготовления для плавания в Южных морях – плавания, которое могло превратиться в кругосветное путешествие. Надо сказать, что Элен, утверждая, что «Дункан» годен для такой экспедиции, не преувеличила мореходных качеств яхты. Это было замечательно прочное и быстрое судно, которое смело могло выдержать любое дальнейшее плавание.

«Дункан» был превосходной паровой яхтой. Водоизмещение ее было двести десять тонн, а первые суда, достигшие берегов Америки, суда Колумба, Пинсона, Веспуччи, Магеллана, были гораздо меньших размеров⁸.

Яхта «Дункан» была двухмачтовым бригом. Она имела фок-мачту с марселем и брам-стенгой и грот-мачту с контр-бизанью и флагштоком; кроме того, треугольный парус – фор-стаксель, большой и малый кливера, а также штаговые паруса. Вообще оснастка «Дункана» была достаточна для того, чтобы он управлялся, как обыкновенный клипер. Но, конечно, главным его двигателем являлась паровая машина в сто шестьдесят лошадиных сил, новейшей системы и снабженная перегревателями, позволяющими поднимать давление пара до очень высокого уровня, и приводившая в движение два винта. Идя на всех парах, «Дункан» развивал наибольшую скорость. Действительно, во время пробного плавания в заливе Клайда патент-лаг⁹ показал скорость в семнадцать морских миль в час¹⁰.

Таким образом, «Дункан» мог смело отправиться даже в кругосветное плавание.

Джону Манглсу нужно было позаботиться лишь о внутреннем переоборудовании судна. Прежде всего он приказал расширить угольные ямы, чтобы погрузить как можно больше угля, ибо в пути не так-то легко возобновить запасы топлива. Ту же меру предосторожности Джон Манглс предпринял для пополнения камбуза¹¹. Он умудрился сделать почти двухгодичный запас провизии. Правда, недостатка в деньгах у него не было; он даже приобрел небольшую пушку, которую установил на шканцах яхты. Никогда нельзя предвидеть грядущих событий, а в таком случае не мешает располагать оружием, которое может выстрелить восьмифунтовым ядром на расстоянии свыше четырех миль.

Джон Манглс был знатоком своего дела и, хотя командовал лишь увеселительной яхтой, считался одним из лучших шкиперов Глазго. Ему было тридцать лет. Несколько суровые черты лица его дышали мужеством и добротой. Ребенком он был взят в замок Малькольм-Касл. Семья Гленарван госпитала его и сделала из него прекрасного моряка. Он успел совершить

⁸ Четвертое путешествие в Америку Христофор Колумб совершил на четырех судах. Самое большое из них – каравелла, на которой плыл Колумб, – было водоизмещением в семьдесят тонн, а самое малое судно – в пятьдесят тонн. Это были суда, пригодные лишь для каботажного плавания. (Примеч. автора.)

⁹ Патент-лаг – прибор, показывающий скорость движения судна.

¹⁰ Морская миля равняется 1852 метрам.

¹¹ Камбуз – кухня.

уже несколько дальних плаваний, неоднократно давая доказательства энергии и хладнокровия. Когда лорд Гленарван предложил ему командование «Дунканом», он охотно согласился, ибо любил владельца Малькольм-Касла, как брата, и искал случая выказать ему свою преданность.

Помощник Джона Манглса, Том Остин, был старым моряком, заслуживающим полного доверия. Судовая команда «Дункана», включая капитана и его помощника, состояла из двадцати пяти человек. Все испытанные моряки, все уроженцы графства Думбартон, все дети арендаторов. На яхте они образовали как бы клан¹² бравых шотландцев. Среди них были даже традиционные «волынщики»¹³. Таким образом, Гленарван имел в своем распоряжении команду преданных, отважных, горячо любящих свое дело, верных, опытных моряков, умеющих владеть оружием и вести судно, готовых встретить на пути любую опасность. Когда команда «Дункана» узнала, куда отправляется яхта, то моряки не могли сдержать свою радость, и эхо думбартонских скал повторило восторженные крики «ура».

Как ни усердно занимался Джон Манглс погрузкой на «Дункан» топлива и провианта, он не забыл позаботиться о подготовке для дальнего плавания помещений лорда и леди Гленарван. Одновременно он позаботился и о каютах для детей капитана Гранта, так как леди Элен не могла отказать в просьбе Мери взять ее с собой на борт «Дункана».

Юный Роберт скорее спрятался бы в трюме, чем остался на берегу. Даже если бы ему пришлось быть юнгой, как Нельсону и Франклину, он отправился бы в плавание на «Дункане». Ну как можно было отказать такому мальчугану! Никто и не пытался. Пришлось принять его на яхту не как пассажира, на что он не соглашался, а как члена экипажа: в качестве юнги, ученика или матроса, что ему было безразлично. Джону Манглсу было поручено обучать его морскому делу.

– Прекрасно! – заявил Роберт. – Пусть капитан не щадит меня и не скупится угощать ударами «кошки-девятихвостки»¹⁴, если я окажусь плохим учеником.

– Будь спокоен, мой мальчик, – серьезным тоном ответил Гленарван, умолчав о том, что кошки-девятихвостки на борту «Дункана» были запрещены, да в них на яхте не было никакой необходимости.

Чтобы закончить список пассажиров яхты, надо упомянуть майора Мак-Наббса. Это был мужчина пятидесяти лет с правильными, спокойными чертами лица, дисциплинированный; он слыл за человека с прекрасным, ровным характером: скромный, молчаливый, мирный и добродушный, всегда готовый пойти, куда его посылают, всегда во всем согласный, никогда не спорящий, не теряющий хладнокровия. Он одинаково спокойно подымался как по лестнице в свою спальню, так и на откос обстреливаемой траншеи: не волнуясь, не выходя из себя даже от взрыва бомбы. Вероятно, ему суждено было умереть, так и не найдя случая разгневаться. Майор Мак-Наббс не только проявлял храбрость на полях сражений и обладал обычной для военных физической мощью, свойственной людям большой мускульной силы, но, что было гораздо важнее, у него было нравственное мужество, сила духа. Его единственной слабостью был неумеренный шотландский патриотизм. Он был чистокровным сыном горной Шотландии и упорно придерживался всех старинных обычаев своей родины. Поэтому его никогда не соблазняла служба в английской армии, и свой морской чин он получил в 42-м полку горной гвардии, командный состав которого пополнялся исключительно шотландскими дворянами. Будучи близким родственником Гленарвана, Мак-Наббс постоянно жил в Малькольм-Касле, а в качестве майора счел естественным принять участие в экспедиции на «Дункане».

Таковы были пассажиры яхты, призванные непредвиденными обстоятельствами совершить одно из самых изумительных путешествий наших дней.

¹² Клан – семья, род.

¹³ Волынщик – игрок на волынке в шотландских полках.

¹⁴ Кошка-девятихвостка – плетъ из девяти ремней, применявшаяся для телесных наказаний во флоте.

С тех пор как «Дункан» ошвартовался у паровой пристани Глазго, он не переставал возбуждать любопытство публики. Ежедневно его посещало множество людей, только о нем и говорили, к великому неудовольствию других капитанов, в том числе капитана Бёртона, который командовал великолепным пароходом «Шотландия», стоявшим у пристани бок о бок с «Дунканом» и готовившимся отплыть в Калькутту. Капитан этого громадного парохода действительно вправе был смотреть свысока на своего крошку-соседа «Дункана». А между тем всеобщий интерес к яхте возрастал с каждым днем.

День отплытия «Дункана» приближался. Джон Манглс проявил себя капитаном умелым и энергичным. Спустя месяц со дня испытания яхты в заливе Клайд «Дункан», снабженный топливом, провиантом, оборудованный для дальнего плавания, был готов выйти в море. Отплытие назначили на 25 августа. Таким образом, яхта могла прибыть в южные широты приблизительно к началу весны.

Как только проект Гленарвана стал известен, ему пришлось выслушать ряд предостережений о трудностях и опасностях экспедиции. Но Гленарван не обращал на это ни малейшего внимания, и решение его идти на поиски капитана Гранта осталось непоколебимым. Впрочем, многие, порицавшие Гленарвана, в душе восхищались им. В конце концов общественное мнение открыто стало на сторону шотландского лорда, и все газеты, за исключением правительственных, единодушно порицали поведение лордов адмиралтейства. Впрочем, Гленарван был столь же равнодушен к похвалам, как и к порицаниям, — он выполнял свой долг, а до остального ему было мало дела.

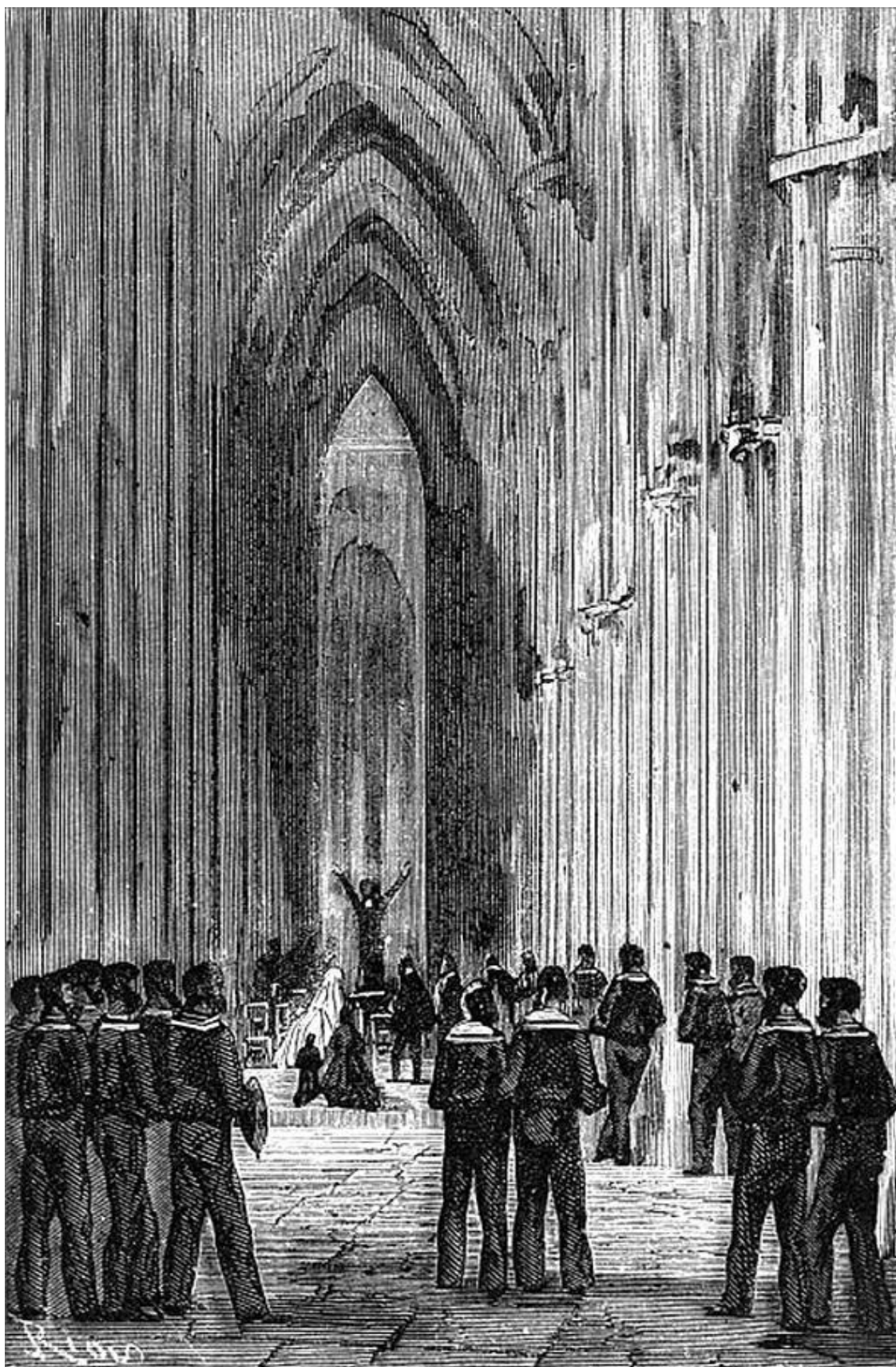
24 августа Гленарван, леди Элен, майор Мак-Наббс, Мери Грант и Роберт Грант, мистер Олбинет, стюард¹⁵ яхты, и его жена, миссис Олбинет, состоявшая горничной при леди Элен Гленарван, покинули Малькольм-Касл. Слуги, преданные семье Гленарван, трогательно прощались с ними.

Через несколько часов путешественники были уже на борту «Дункана». Население Глазго восторженно приветствовало леди Элен, молодую мужественную женщину, которая отказалась от безмятежных радостей комфортабельной жизни и спешила на помощь несчастным, потерпевшим кораблекрушение.

Помещения лорда Гленарвана и его жены находились на корме и состояли из двух спален, салона и двух небольших ванных комнат. Затем шла общая зала, куда выходили шесть кают. Пять из них были заняты Мери и Робертом Грант, мистером и миссис Олбинет и майором Мак-Наббсом. Каюты Джона Манглса и Тома Остина были расположены на носу яхты, и двери их выходили на палубу. Команда с большими удобствами была размещена в подпалубном пространстве, ибо на яхте не было иного груза, кроме угля, провианта и оружия. Таким образом, капитан, получив в свое распоряжение обширное помещение внутри судна, умело его использовал.

«Дункан» должен был выйти в море в ночь с 24-го на 25-е августа, около трех часов утра, с началом отлива, но до отплытия яхты население Глазго было свидетелем трогательного зрелища. В восемь часов вечера лорд Гленарван и его гости, вся команда экипажа от кочегара до капитана включительно, все, кто принимал участие в предстоящей экспедиции, отбыли с яхты и направились в Сен-Мунго, старинный собор в Глазго, который столь живописно рисует Вальтер Скотт. Собор этот, уцелевший среди опустошений, произведенных еще со времен Реформации, принял под свои величественные своды пассажиров и моряков «Дункана». Среди обширного нефа, усеянного, словно кладбище, надгробными плитами, высокопочтенный Мортон призвал благословение Божье на путешественников, молясь о даровании им благополучного плавания. И вот в древней церкви зазвучал голос Мери Грант. Девушка пела и в молитве возносила благодарность и хвалу своим благодетелям и Богу.

¹⁵ Стюард — буфетчик.

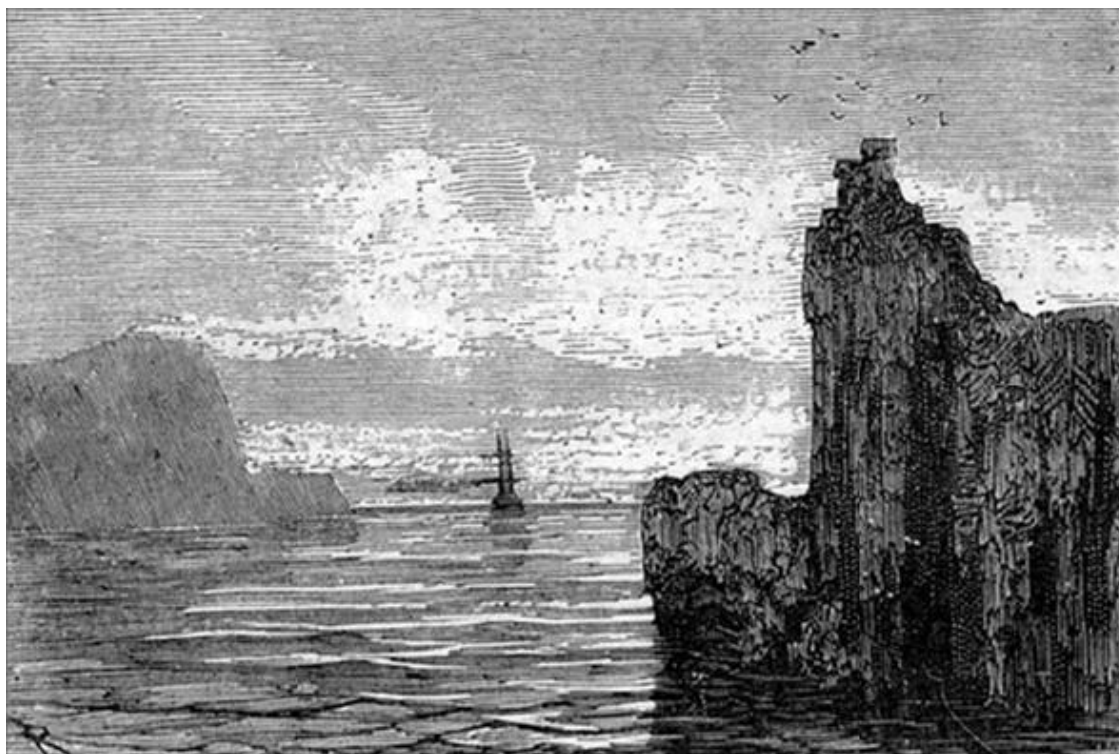

Высокопочтенный Мортон призвал благословение Божье на путешественников

В одиннадцать часов вечера все собрались на борту яхты. Капитан и команда занялись последними приготовлениями к отплытию. В полночь стали разводить пары. Капитан отдал приказ быстрее подбрасывать уголь, и вскоре клубы черного дыма смешались с ночным туманом. Паруса – они не могли быть использованы, ибо дул юго-западный ветер, – были тщательно завернуты в холщовые чехлы для защиты их от копоти.

В два часа ночи корпус «Дункана» задрожал; манометр показывал давление в четыре атмосферы; перегретый пар со свистом вырвался из клапанов. Между приливом и отливом наступил временный штиль. Начинало светать, и можно было разглядеть фарватер реки Клайд, его бакены с потускневшими при свете зари фонарями. Наступил час отплытия. Джон Манглс приказал известить Гленарвана, и тот не замедлил подняться на палубу.

Вскоре начался отлив. Прозвучали громкие гудки «Дункана»: отдали концы каната, и, отделившись от окружающих кораблей, яхта отчалила от пристани. Заработал винт, и «Дункан» двинулся по фарватеру реки. Джон не взял лоцмана; он прекрасно знал все извилины реки Клайд, и никто лучше его не вывел бы судно в открытое море. Яхта была послушна его воле. Правой рукой он управлял машиной, а левой – молча и уверенно вращал штурвал. Вскоре последние заводы, расположенные по берегам, сменились виллами, живописно разбросанными по прибрежным холмам, и городской шум замер вдали.

Час спустя «Дункан» проплыл мимо скал Думбартона, еще через два часа был в заливе Клайд. В шесть часов утра яхта обогнула мыс Малл-оф-Кинтайр и вышла из Северного пролива в открытый океан.

Глава шестая. Пассажир каюты номер шесть

В первый день плавания море было бурным, к вечеру подул свежий ветер. «Дункан» сильно качало. Поэтому женщины не появлялись на палубе. Они лежали в каютах, что было весьма благоразумно.

На следующий день ветер круто изменил направление. Капитан Джон Манглс приказал поставить фок, контр-бизань и малый марсель, и «Дункан» стал устойчивее – меньше чувствовалась боковая и килевая качка. Леди Элен и Мери Грант могли с самого утра подняться на палубу, где уже находились Гленарван, майор и капитан.

Восход солнца был великолепен. Дневное светило, похожее на позолоченный диск, поднималось из океана, словно из колоссальной гальванической ванны. «Дункан» скользил в потоках лучезарного света, и казалось, то не ветер, а солнечные лучи надувают его паруса.

Пассажиры яхты благоговейно созерцали появление дневного светила.

– Что за дивное зрелище! – проговорила Элен. – Восход солнца предвещает прекрасный день. Только бы ветер не переменялся, остался попутным!

– Трудно желать более благоприятного ветра, дорогая Элен, – отозвался Гленарван, – и нам не приходится сетовать на такое начало нашего путешествия.

– А скажите, дорогой Эдуард, как долог наш путь?

– На это вам ответит только капитан Джон, – сказал Гленарван. – Как мы идем, Джон? Довольны ли вы своим судном?

– Очень доволен, сэр. Это отличное судно – моряку приятно чувствовать его под ногами. И машина и корпус как нельзя лучше подходят друг к другу. Вот почему яхта, как вы сами видите, оставляет за собой такой ровный след и так легко уходит от волны. Мы идем со скоростью семнадцати морских миль в час; если скорость не снизится, то дней через десять пересечем экватор и менее чем через пять недель обогнем мыс Горн.

– Вы слышите, Мери? Менее чем через пять недель! – обратилась к молодой девушке леди Элен.

– Да, сударыня, – ответила Мери. – Я слышала, и мое сердце сильно забилося при словах капитана.

– Как вы переносите плавание, мисс Мери? – спросил Гленарван.

– Неплохо, сэр. А вскоре надеюсь совсем освоиться с морем.

– А наш юный Роберт?

– О, Роберт!.. – вмешался Джон Манглс. – Если его нет сейчас в машинном отделении, то, значит, он взобрался на мачту. Этот мальчуган не знает, что такое морская болезнь... Да вот полюбуйтесь сами. Видите, где он?

Все взоры устремились туда, куда указывал капитан, – на фок-мачту: там футах в ста от палубы, на снастях брамстенги, висел Роберт. Мери невольно вздрогнула.

– О, успокойтесь, мисс! – сказал Джон Манглс. – Я вам ручаюсь за него. Обещаю, что в недалеком будущем я представлю капитану Гранту лихого молодца, – ибо нисколько не сомневаюсь, что мы разыщем этого достойного капитана.

– О, пусть вас услышит небо! – ответила девушка.

– Милая мисс Мери, – вновь заговорил Гленарван, – все предвещает нам удачу. Взгляните на этих славных молодцов, взявшихся за это прекрасное дело. С ними мы не только добьемся успеха, но легко достигнем его. Я обещал леди Элен увеселительную прогулку и верю, что сдержу слово.

– Эдуард, вы лучший из людей! – воскликнула Элен Гленарван.

– Отнюдь нет, но у меня лучшая команда на лучшем судне. Разве вы не восхищаетесь нашим «Дунканом», мисс Мери?

– Конечно, сэр, – ответила девушка, – не только как пассажирка, но и как настоящий знаток.

– Вот как?

– Будучи ребенком, я постоянно играла на кораблях отца. Он хотел воспитать из меня моряка. Если понадобится, я и теперь могу взять рифы или поставить парус.

– Что вы говорите, мисс! – воскликнул Джон Манглс.

– Если так, – сказал Гленарван, – то вы в лице капитана Джона, несомненно, будете иметь большого друга, ибо профессию моряка он ставит выше любой иной, даже для женщины. Не правда ли, Джон?

– Совершенно верно, сэр, – ответил молодой капитан, – но я должен признаться, что, по моему, мисс Грант более пристало находиться в рубке, чем ставить брамсель. Но все же моему самолюбию моряка льстят ее слова.

– А особенно когда она восхищается «Дунканом»... – добавил Гленарван.

– ...который того вполне заслуживает, – ответил Джон Манглс.

– Право, вы так гордитесь вашей яхтой, – сказала леди Элен, – что мне захотелось осмотреть ее сверху донизу и заодно поглядеть, как устроились наши славные матросы в кубрике.

– Очень удобно, – ответил Джон Манглс: – не хуже, чем дома.

– А они действительно дома, дорогая Элен, – сказал Гленарван. – Эта яхта – уголок нашей старой Шотландии, это кусок графства Думбартон, плывущий по волнам океана; таким образом, мы не покинули нашей родины: «Дункан» – это замок Малькольм-Касл, а океан – озеро Ломонд.

– Ну, тогда, дорогой Эдуард, покажите нам ваш замок, – шутливо промолвила Элен.

– К вашим услугам! – ответил Гленарван. – Но позвольте предупредить Олбинета.

Стюард «Дункана» Олбинет был превосходный метрдотель, достойный быть по своему внушительному виду метрдотелем во Франции, так усердно и умно он исполнял свои обязанности. Олбинет немедленно явился.

– Олбинет, мы хотим прогуляться перед завтраком, – сказал Гленарван таким тоном, словно дело шло о прогулке в окрестностях замка. – Надеюсь, что к нашему возвращению завтрак будет сервирован.

Олбинет важно поклонился.

– Вы пойдете с нами, майор? – спросила Мак-Наббса Элен.

– Если прикажете, – ответил он.

– О, майор наслаждается своей сигарой, – вмешался Гленарван, – не мешайте ему. Знаете, мисс Мери, он страстный курильщик, он даже спит с сигарой во рту.

Майор кивнул головой и остался, остальные спустились в кубрик.

Оставшись один на палубе, Мак-Наббс, по обыкновению, вступил сам с собой в беседу, окутавшись густыми облаками дыма, и, не двигаясь, глядел на пенистый след за кормой яхты. После нескольких минут безмолвного созерцания он повернулся и вдруг увидел рядом с собой какого-то человека. Если бы вообще что-нибудь могло удивить майора, то именно подобная встреча, ибо этот пассажир был ему совершенно незнаком.

Это был высокий, сухощавый человек лет сорока. Он походил на длинный гвоздь с широкой шляпкой. Голова у него была круглая, крепкая, лоб высокий, нос длинный, рот большой и выдающийся вперед подбородок. Глаза скрывались за огромными круглыми очками и имели какое-то неопределенное выражение, присущее обычно никталопам¹⁶. Лицо у него было умное и веселое. В нем не было отталкивающего выражения, присущего чопорным людям, которые из принципа никогда не смеются, скрывая свое ничтожество под личиной серьезности. Отнюдь нет. Непринужденность, милая бесцеремонность незнакомца – все говорило о том, что он скло-

¹⁶ Никталопия – особенное свойство глаз видеть в темноте предметы лучше, чем при ярком свете.

нен видеть в людях и вещах лишь хорошее. Хоть он еще не вымолвил ни слова, но видно было, что он говорун и очень рассеянный человек, вроде тех людей, которые смотрят и не замечают, слушают и не слышат. На нем была дорожная фуражка, бархатные коричневые панталоны, той же материи куртка с бесчисленными карманами, которые были туго набиты всевозможными записными книжками, блокнотами, бумажниками, одним словом, множеством ненужных и обременительных предметов; обут он был в грубые желтые ботинки и кожаные гетры. Через плечо у него болталась на ремне подозрная труба.

Суетливость незнакомца представляла резкий контраст с невозмутимым спокойствием майора. Он вертелся вокруг Мак-Наббса, рассматривал его со всех сторон, кидал на него вопросительные взгляды, а тот, казалось, нисколько не интересовался ни тем, откуда взялся этот господин, ни тем, куда он направляется, ни тем, почему он оказался на борту «Дункана».

Когда загадочный незнакомец увидел, что все его попытки разбиваются о равнодушие майора, он схватил свою подозрную трубу – раздвинутая в длину, она имела четыре фута – и, расставив ноги, неподвижный, похожий на дорожный столб, направил ее на линию горизонта, а минут через пять опустил ее и оперся на нее, словно на трость; но вдруг труба сложилась, колена ее скользнули одно в другое, и новый пассажир, потерявший точку опоры, чуть не растянулся у грот-мачты.

Всякий другой на месте майора непременно улыбнулся бы, но он и бровью не повел. Незнакомец решил действовать иначе.

– Стюард! – крикнул он с иностранным акцентом и прислушался.

Никто не появлялся.

– Стюард! – повторил он громче.

Мистер Олбинет проходил как раз в камбуз, находившийся под шканцами. Он был очень удивлен, когда услышал, что его столь бесцеремонно окликает какой-то долговязый незнакомец.

«Откуда он взялся? – спросил себя Олбинет. – Друг мистера Гленарвана? Нет, это невозможно!»

Он поднялся на ют и подошел к незнакомцу.

– Вы стюард этого судна? – спросил тот.

– Да, сэр, но я не имею чести...

– Я пассажир каюты номер шесть, – не дал договорить ему незнакомец.

– Каюты номер шесть? – повторил Олбинет.

– Ну да. А как ваше имя?

– Олбинет.

– Хорошо, друг мой Олбинет, – сказал незнакомец каюты номер шесть, – позаботьтесь о завтраке, да поживее. Вот уже тридцать шесть часов, как я не ел. Собственно говоря, я проспал тридцать шесть часов, что вполне простительно человеку, без единой остановки примчавшемуся из Парижа в Глазго. Скажите, пожалуйста, в котором часу здесь завтракают?

– В девять, – машинально ответил Олбинет.

Незнакомец пожелал взглянуть на свои часы, это заняло немало времени, ибо он обнаружил часы лишь в девятом кармане.

– Хорошо. Но сейчас нет еще и восьми! Ну вот что, Олбинет, дайте-ка мне пока что бисквиты и стакан шерри, а то я упаду от истощения.

Олбинет слушал, ничего не понимая, а незнакомец продолжал болтать, перескакивая с поразительной быстротой с предмета на предмет.

– Ну, а где же капитан? Он еще не встал? А его помощник? Тот что, тоже спит? – трещал незнакомец. – К счастью, погода хорошая, ветер попутный, судно идет само собой.

Как раз в эту минуту на трапе появился Джон Манглс.

– Вот капитан, – объявил Олбинет.

– Ах, я очень рад! – воскликнул незнакомец. – Очень рад познакомиться с вами, капитан Бёртон!

Если кто и был изумлен, то, несомненно это был Джон Манглс, и не только потому, что его называли капитаном Бёртоном, но и потому, что он увидел незнакомца на борту своего судна.

А тот продолжал рассыпаться в любезностях.

– Позвольте пожать вам руку, – сказал он. – Если я не сделал этого третьего дня вечером, то лишь потому, что не следует никого беспокоить в момент отплытия. Но сегодня, капитан, я счастлив познакомиться с вами.

Джон Манглс широко открыл глаза и с удивлением смотрел то на Олбинета, то на незнакомца.

– Теперь мы познакомились с вами, дорогой капитан, – продолжал незнакомец, – теперь мы с вами друзья. Давайте поболтаем. Скажите, довольны вы своей «Шотландией»?

– О какой «Шотландии» вы говорите? – спросил, наконец, Джон Манглс.

– О пароходе «Шотландия», на котором мы находимся. Прекрасное судно. Мне расхвалили его за внешние качества и за высокие моральные достоинства его командира, славного капитана Бёртона! Вы не родственник великого африканского путешественника Бёртона? Отважный человек! Если он ваш родственник, примите мои горячие поздравления!

Он схватил свою подзорную трубу – раздвинутая в длину, она имела четыре фута – и, расставив ноги, неподвижный, похожий на дорожный столб, направил ее на линию горизонта

– Сэр, я не только не родственник путешественника Бёртона, но я даже и не капитан Бёртон, – ответил Джон Манглс.

– А-а... – протянул незнакомец. – Значит, я говорю с помощником капитана Бёртона, мистером Берднессом?

– Мистер Берднесс? – переспросил Джон Манглс, начиная уже подозревать истину, но не понимая, кто перед ним: сумасшедший или чудак. Только что молодой капитан хотел окончательно выяснить это, как на палубе появились лорд Гленарван, его жена и мисс Грант.

Увидев их, незнакомец воскликнул:

– А, пассажиры! Пассажиры! Чудесно! Надеюсь, мистер Берднесс, вы представите меня...

И, не ожидая ответа Джона Манглса, поспешил к ним навстречу.

– Миссис... – сказал он мисс Грант. – Мисс... – сказал он Элен. – Сэр... – прибавил он, обращаясь к лорду Гленарвану.

– Лорд Гленарван, – пояснил Джон Манглс.

– Сэр, – продолжал незнакомец, – я прошу извинить меня за то, что представляюсь вам сам, но в море приходится несколько уклоняться от светского этикета. Надеюсь, мы быстро познакомимся и в обществе дам путешествие на пароходе «Шотландия» покажется нам столь же коротким, сколь и приятным.

Ни леди Элен, ни мисс Грант не нашли, что ответить. Они не могли понять, каким образом этот посторонний человек мог очутиться на палубе «Дункана».

– Сэр, – обратился к нему Гленарван, – с кем имею честь говорить?

– Жак-Элиасен-Франсуа-Мари Паганель, секретарь Парижского географического общества, член-корреспондент географических обществ Берлина, Бомбея, Дармштадта, Лейпцига, Лондона, Петербурга, Вены, Нью-Йорка, почетный член Королевского географического и этнографического института восточной Индии, короче говоря, я человек, который, проработав над географией двадцать лет в качестве кабинетного ученого, решил, наконец, заняться ею практически, и теперь направляюсь в Индию, чтобы объединить там труды великих путешественников.

Глава седьмая. Откуда прибыл и куда направлялся Жак Паганель

Очевидно, секретарь Географического общества был приятным человеком, так как все это было сказано чрезвычайно любезно. Впрочем, Гленарван прекрасно знал теперь, с кем имеет дело: ему хорошо было известно имя и заслуги уважаемого Жака Паганеля. Его труды по географии, его доклады о новейших открытиях, печатаемые в бюллетенях Общества, его переписка чуть ли не со всем миром – все это делало Паганеля одним из виднейших ученых Франции. Поэтому Гленарван сердечно протянул руку своему неожиданному гостю.

– Теперь, когда мы представились друг другу, – сказал он, – позвольте мне, господин Паганель, задать вам один вопрос?

– Хотя двадцать, сэр, – ответил Жак Паганель, – беседа с вами всегда будет для меня удовольствием.

– Вы прибыли на борт этого судна третьего дня вечером?

– Да, сэр, третьего дня, в восемь часов вечера. Сойдя с поезда, я сел в кэб, из кэба направился прямо на «Шотландию», где я из Парижа заказал себе каюту номер шесть. Ночь была темная. Я никого не заметил на палубе. А так как я был очень утомлен после тридцати часов путешествия и знал, что лучшее средство от морской болезни немедленно по прибытии на судно улечься на койку и не вставать первые дни плавания, то я тотчас же лег и, смею вас уверить, самым добросовестным образом проспал тридцать шесть часов.

Теперь слушатели Жака Паганеля поняли, каким образом он оказался на борту яхты. Французский путешественник перепутал суда и сел на «Дункан» в то время, когда экипаж судна присутствовал на богослужении в Сен-Мунго. Все объяснялось очень просто. Но что скажет ученый-географ, узнав название и маршрут судна, на котором он оказался?

– Итак, господин Паганель, вы избрали Калькутту исходным пунктом ваших сухопутных путешествий? – спросил Гленарван.

– Да, сэр. всю свою жизнь я лелеял мечту увидеть Индию! И эта заветная мечта, наконец, осуществится! Я попаду на родину слонов и...

– Значит, господин Паганель, вы были бы огорчены, попав не в Индию, а в какую-нибудь иную страну?

– Я был бы очень огорчен, сэр, у меня есть рекомендательные письма к лорду Соммерсету, генерал-губернатору Индии, и поручение Географического общества, которое необходимо выполнить.

– А! Вам дано поручение?

– Да, мне поручено осуществить полезное и важное путешествие, план которого разработал мой ученый друг и коллега, господин Вивьен де Сен-Мартен. Согласно этому плану, мне надлежит направиться по следам братьев Шлагинвайт, полковника Воу, Вебба, Ходжона, миссионеров Хука и Габэ, Муркрофта, Жюля Реми и ряда других знаменитых путешественников. Я хочу добиться того, что, к несчастью, не удалось осуществить в тысяча восемьсот сорок шестом году миссионеру Крику, одним словом, я хочу обследовать течение реки Яру-Дзангбо-Чу, которая, огибая с севера Гималайские горы, на протяжении тысячи пятисот километров орошает Тибет, хочу выяснить в конце концов, не впадает ли эта река на северо-востоке Ассама в Брамапутру. Путешественнику, который разрешит эту важнейшую географическую задачу, несомненно, обеспечена золотая медаль.

Паганель был великолепен. Он говорил с неподражаемым воодушевлением, он парил на быстрых крыльях фантазии, и остановить его было бы так же трудно, как перегородить плотинной течением Рейна у Шарузских порогов.

Паганель был великолепен. Он говорил с неподражаемым воодушевлением

– Господин Жак Паганель, – сказал Гленарван, когда знаменитый ученый на минуту умолк. – Несомненно, это – прекрасное путешествие, и наука будет вам за него очень призна-

тельна. Но я не хочу держать вас в заблуждении, и на некоторое время вам все же придется отказаться от удовольствия побывать в Индии.

– Отказаться? Почему?

– Да потому, что вы плывете в сторону, противоположную Индийскому полуострову.

– Как! Капитан Бёртон...

– Я не капитан Бёртон, – отозвался Джон Манглс.

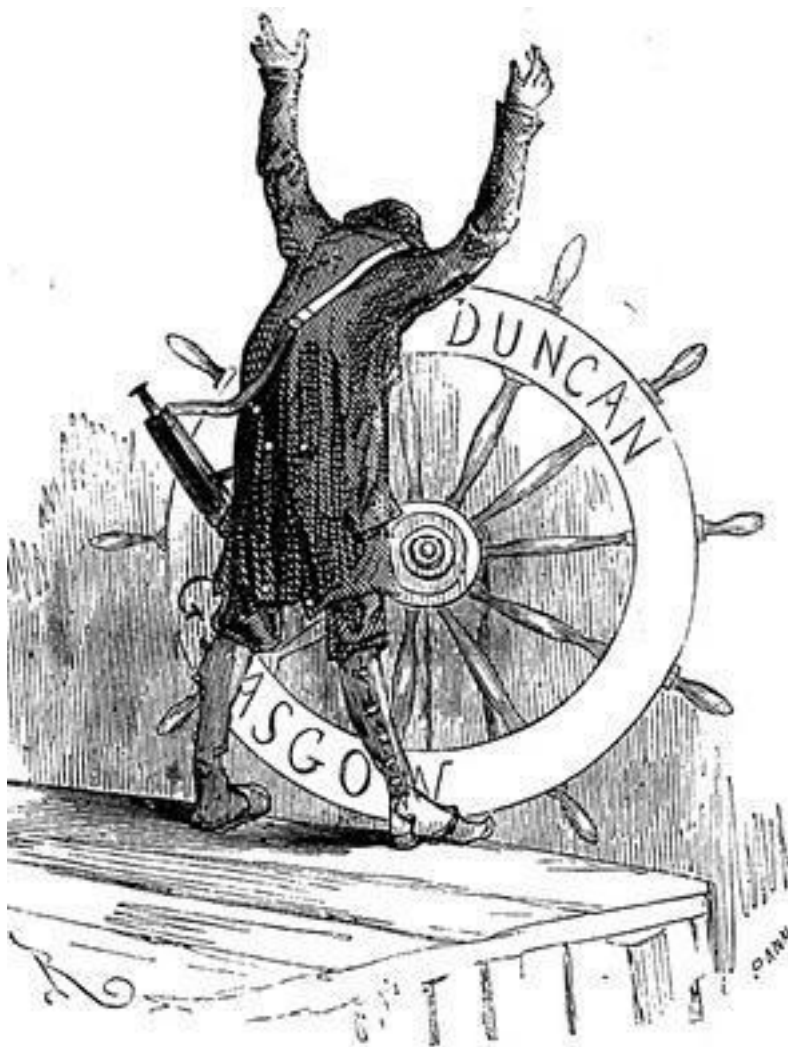
– Но «Шотландия»...

– Это судно не «Шотландия»!

Изумление Паганеля не поддавалось описанию. Он посмотрел поочередно то на лорда Гленарвана, сохранявшего полную серьезность, то на леди Элен и Мери Грант, лица которых выражали огорчение и сочувствие, то на улыбавшегося Джона Манглса, на невозмутимого майора. Затем, пожав плечами, он опустил очки со лба на переносицу и воскликнул:

– Что за шутка!

Но в этот момент глаза его остановились на штурвале, он прочел надпись:

ДУНКАН

ГЛАЗГО

– «Дункан»! «Дункан»! – крикнул Паганель в отчаянии, а затем, стремглав сбежав с лестницы, устремился в свою каюту.

Как только незадачливый ученый исчез, никто на яхте, кроме майора, не в силах был удержаться от смеха; хохотали и матросы. Ехать в противоположном направлении по железной дороге, вместо поезда, идущего в Эдинбург, сесть на поезд в Думбартон, еще куда ни шло; но перепутать судна и плыть в Чили, когда стремишься в Индию, – это уж верх рассеянности!

– Впрочем, такой случай с Жаком Паганелем меня не удивляет, – заметил лорд Гленарван. – Он славится подобными злоключениями. Однажды он опубликовал прекрасную карту Америки, куда умудрился вклинить Японию. Но это не мешает ему все же быть выдающимся ученым и одним из лучших географов Франции.

– Но что же мы будем делать с этим беднягой? – спросила леди Элен. – Не можем же мы везти его в Патагонию!

– А почему бы и нет? – спокойно сказал Мак-Наббс. – Мы не ответственны за его рассеянность. Предположите, что он сел бы не на тот поезд. Ведь не переменили бы из-за него маршрут?

– Но он сошел бы на ближайшей станции, – возразила леди Элен.

– Ну, что ж, это он может сделать и теперь, если пожелает. Сойдет на первой же стоянке, – заметил Гленарван.

В это время Паганель, удостоверившись, что багаж его находится на «Дункане», удрученный и пристыженный, снова поднялся на палубу. Он продолжал твердить злополучное слово: «Дункан!», «Дункан!», не находя иных слов в своем лексиконе. Он ходил взад и вперед, осматривая оснастку яхты, вопрошая взглядом безмолвный горизонт открытого моря. Наконец, он подошел к лорду Гленарвану.

– А куда идет «Дункан»? – спросил он.

– В Америку, господин Паганель.

– А точнее?

– В Консепсьон.

– В Чили! В Чили! – воскликнул злополучный ученый. – А моя экспедиция в Индию! Что скажет господин Катрфак, президент Центральной комиссии? А господин Авозак! А господин

Кортамбер! А господин Вивьен де Сен-Мартен! Как я снова появлюсь на заседании Географического общества!

– Не отчаивайтесь, господин Паганель, – стал успокаивать его Гленарван, – все устроится, вы потеряете только сравнительно небольшой промежуток времени, а река Яру-Дзангбо-Чу никуда не утечет из Тибетских гор. Скоро мы остановимся у острова Мадейра, и там вы сядете на судно, возвращающееся в Европу.

– Благодарю вас, сэр. Видно, придется примириться с этим. Но, подумайте, какое удивительное приключение! Только со мной могло случиться нечто подобное. А моя каюта на «Шотландии»!..

– Ну, о «Шотландии» вам лучше пока забыть.

– Но мне кажется, – снова начал Паганель, еще раз оглядывая судно, – «Дункан», видимо, увеселительная яхта?

– Да, сэр, – отозвался Джон Манглс, – и принадлежит она его сиятельству лорду Гленарвану...

– ...который просит вас широко воспользоваться его гостеприимством, – закончил Гленарван.

– Бесконечно благодарен вам, сэр, – ответил Паганель. – Право, я глубоко тронут вашей любезностью. Но позвольте мне внести следующее предложение: Индия – чудесная страна, неисчерпаемый источник всевозможных волшебных сюрпризов, неожиданностей для путешественников, несомненно дамы не бывали в этой стране... И стоит рулевому только повернуть руль, как «Дункан» так же свободно поплывет в Калькутту, как и в Консепсьон, а поскольку вы совершаете путешествие...

Но Гленарван отрицательно покачал головой, и Паганель умолк.

– Господин Паганель, – сказала леди Элен, – если бы дело шло об увеселительном путешествии, то я, не задумываясь, ответила бы вам: «Едемте в Индию», и лорд Гленарван не стал бы возражать. Но «Дункан» плывет в Патагонию, чтобы привезти оттуда на родину людей, потерпевших там крушение, и не может отказаться от такой гуманной цели.

Через несколько минут французский путешественник был уже в курсе дела. С волнением выслушал он историю о чудесной находке, историю капитана Гранта и о великодушном предложении Элен.

– Сударыня, – сказал он, – позвольте мне выразить безграничное восхищение вашим поступком. Пусть яхта продолжает свой путь! Я чувствовал бы угрызения совести, если бы задержал ее хоть на один день!

– Не хотите ли вы присоединиться к нашей экспедиции? – спросила леди Элен.

– Это невозможно, сударыня, я обязан выполнить возложенное на меня поручение и сойду на первой же стоянке.

– То есть на острове Мадейра, – заметил Джон Манглс.

– Пусть на острове Мадейра. Оттуда всего сто восемьдесят лье до Лиссабона, и я подожду какого-нибудь попутного судна.

– Отлично, господин Паганель, – сказал Гленарван, – все будет сделано согласно вашему желанию. Что же касается меня, я счастлив, что могу на эти несколько дней предложить вам быть моим гостем на этой яхте. Будем надеяться, что вы не слишком соскучитесь в нашем обществе!

– О, сэр, – воскликнул ученый, – хорошо, что я так удачно ошибся. Однако положение человека, намеревающегося плыть в Индию, а плывущего в Америку, нельзя не назвать смешным.

Как ни печально, но Паганелю пришлось примириться с отсрочкой, предотвратить которую он был не в силах. Он оказался очень милым, веселым, конечно, рассеянным человеком и очаровал дам своим неизменно хорошим настроением. К концу первого дня Паганель подру-

жился со всеми. Он попросил, чтобы ему показали знаменитый документ, и долго, внимательно и кропотливо изучал его, вникая во все мелочи. Никакого иного истолкования документа он не допускал. Он отнесся с живым участием к Мери Грант и ее брату и старался внушить им твердую надежду на встречу с отцом. Его непоколебимая уверенность в успех экспедиции «Дункана» вызвала улыбку на устах молодой девушки. Конечно, не будь у него определенной цели, он, несомненно, отправился бы на поиски капитана Гранта.

А когда Паганель узнал, что леди Элен – дочь известного путешественника Вильяма Туффнеля, то разразился восторженными восклицаниями. Он знал ее отца. Какой это был отважный ученый! Сколькими письмами обменялись они, когда Вильям Туффнель был членом-корреспондентом Парижского географического общества! И это он, он, Паганель, вместе с господином Мальт-Брюном предложил Туффнеля в члены общества!.. Какая встреча! Какое удовольствие путешествовать вместе с дочерью Вильяма Туффнеля!

В заключение географ попросил у леди Элен разрешения поцеловать ее. Поцелуй был разрешен, хотя, возможно, что это было немного «неприлично».

Глава восьмая. Одним хорошим человеком больше на «Дункане»

Между тем яхта, пользуясь попутным течением у берегов Северной Африки, быстро приближалась к экватору. 30 августа показался остров Мадейра. Гленарван, верный обещанию, предложил бросить якорь и высадить ученого на берег.

– Мой дорогой лорд, – сказал Паганель, – я буду откровенен с вами. Скажите, намеревались вы до встречи со мной сделать остановку у Мадейры?

– Нет, – ответил Гленарван.

– Тогда разрешите мне использовать мою злосчастную рассеянность. Остров Мадейра слишком хорошо известен. Он не представляет больше никакого интереса для географа. О нем все уже сказано, все написано; к тому же когда-то знаменитое местное виноделие ныне пришло в полный упадок. Подумайте: на Мадейре больше не осталось виноградников! В тысяча восемьсот тринадцатом году там производилось двадцать тысяч пип¹⁷ вина, в тысяча восемьсот сорок пятом году уже две тысячи шестьсот шестьдесят девять пип, а в настоящее время не производится даже пятисот пип. Прискорбное явление! Итак, если вы не возражаете, то ссадите меня у Канарских островов...

– Сделаем остановку у Канарских островов, – ответил Гленарван, – они тоже лежат на нашем пути.

– Я это знаю, дорогой лорд. Канарские острова, состоящие из трех групп, представляют большой интерес для обследования, не говоря уже о Тенерифеском пике, который мне всегда хотелось увидеть. Это редкий случай. Я воспользуюсь им и в ожидании судна, которое доставит меня в Европу, поднимусь на эту знаменитую гору.

– Как вам будет угодно, дорогой Паганель, – невольно улыбаясь, ответил Гленарван.

Он вправе был улыбаться.

Канарские острова находятся недалеко от Мадейры, всего в двухстах пятидесяти милях, – расстояние ничтожное для такой быстроходной яхты, как «Дункану».

31 августа в два часа дня Джон Манглс и Паганель прогуливались по палубе. Француз забрасывал собеседника вопросами относительно Чили.

– Господин Паганель! – вдруг прервал его капитан, указывая на какую-то точку на юге горизонта.

– Что, дорогой капитан? – отозвался ученый.

– Поглядите в ту сторону. Вы ничего не видите?

– Ничего.

– Вы смотрите не туда. Глядите не на горизонт, а выше, на облака.

– На облака? Ничего не вижу.

– Ну а теперь взгляните на конец бушприта.

– Ничего не вижу.

– Вы не хотите видеть! Хотя мы находимся в сорока милях от Тенерифеского пика, его остроконечная вершина ясно вырисовывается на горизонте.

Хотел Паганель видеть или он того не хотел, но спустя некоторое время ему, чтобы не прослыть слепцом, пришлось согласиться с Джоном Манглсом.

– Ну наконец-то вы увидели, – сказал капитан.

– Да, да, вижу совершенно ясно. Как! Это и есть прославленный Тенерифеский пик? – пренебрежительно сказал географ.

¹⁷ Пипа – равна 50 гектолитрам.

– Он самый.

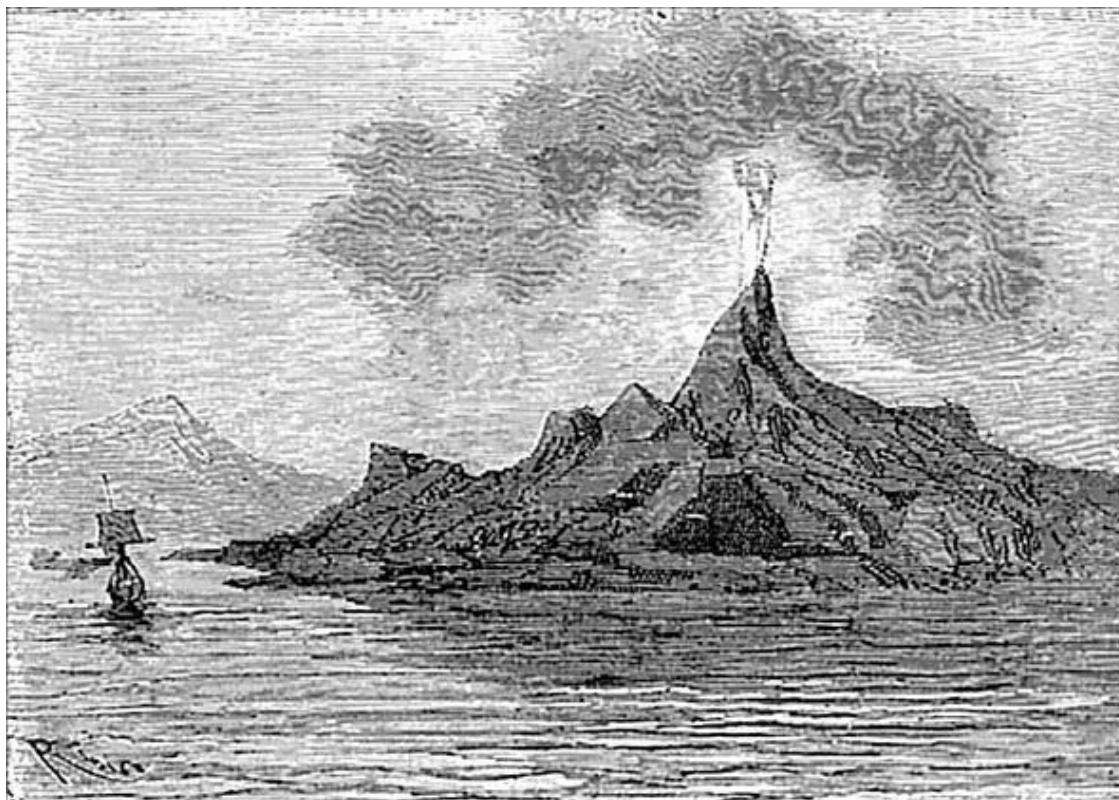
– А мне кажется, будто это не очень высокая гора.

– Однако она возвышается на одиннадцать тысяч футов над уровнем моря.

– Но Монблан куда выше!

– Возможно, но когда вам придется взбираться на нее, то она покажется вам очень и очень высокой!

– Взбираться? Взбираться на Тенерифеский пик? К чему это, дорогой капитан, после Гумбольдта и Бонплана? Гениальный Гумбольдт поднялся на эту гору и так подробно описал ее, что тут уж ничего не прибавишь. Он отметил пять зон: зону виноградников, зону лавров, зону сосен, зону альпийских вересков и, наконец, бесплодную зону. Гумбольдт добрался до наивысшей точки Тенерифеского пика, где некуда было даже сесть. С вершины горы перед его взором расстиралось пространство, равное четверти всей Испании. Затем он спустился в жерло вулкана до самого дна этого потухшего кратера. Спрашивается: что остается мне делать на этой горе после такого великого человека?

– Действительно, после него вам новых открытий не сделать, – согласился Джон Манглс. – А жаль, вам будет очень скучно в Тенерифеском порту в ожидании прихода судна. Там рассчитывать на какие-либо развлечения нечего.

– Конечно, рассчитывать придется только на самого себя, – смеясь, ответил Паганель. – Но скажите, дорогой Манглс, разве на островах Зеленого Мыса нет удобных стоянок?

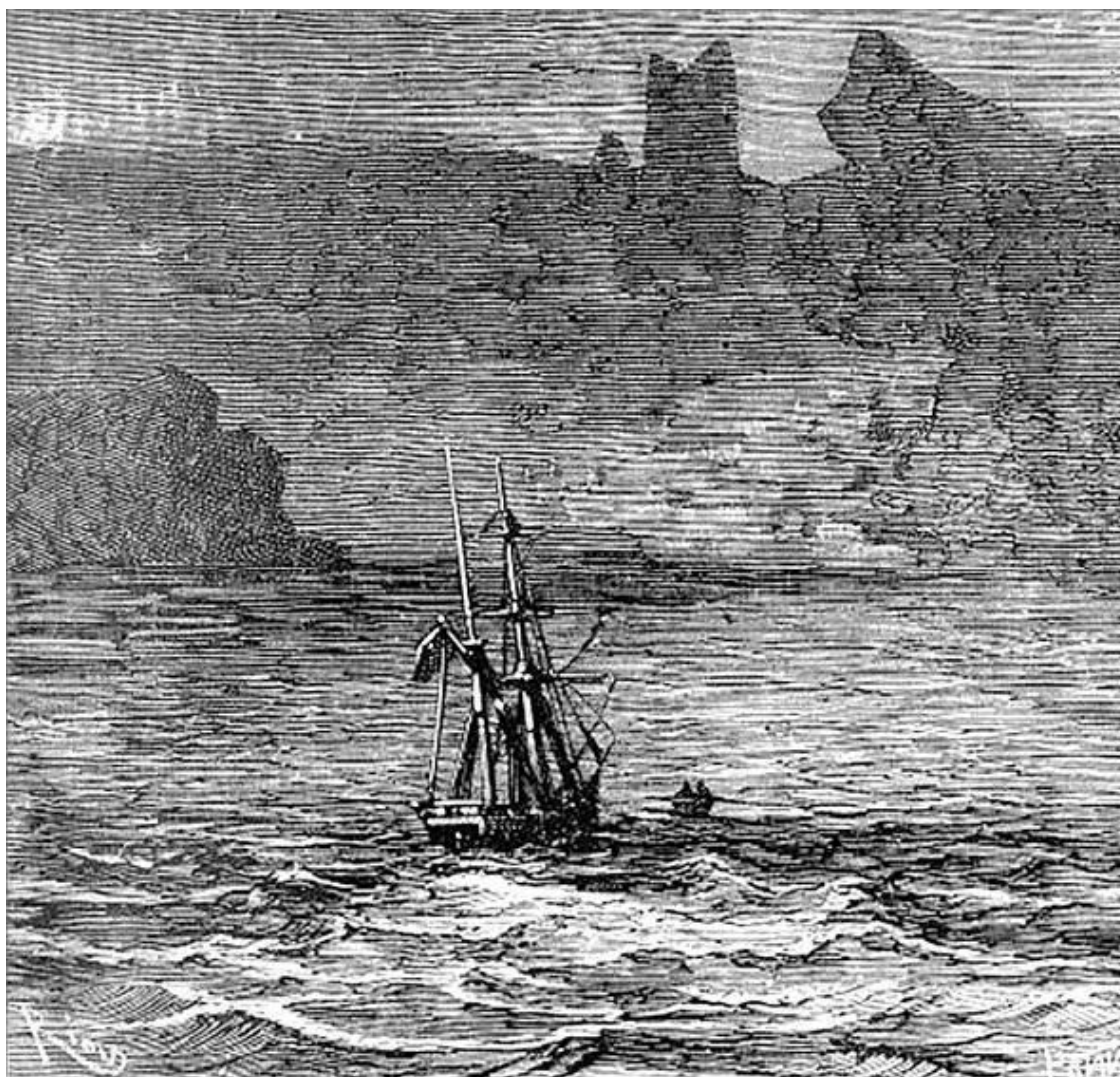
– Конечно, есть. В Вила-Прая очень легко сесть на пароход, идущий обратно в Европу.

– А кроме того, имеется еще одно преимущество, – заметил Паганель: – острова Зеленого Мыса расположены вблизи Сенегала, где я встречу соотечественников. Я знаю, эту группу островов считают малоинтересной, пустынной, да и климат там нездоровый. Но для географа все представляет интерес. Уметь видеть – это наука. Есть люди, которые не умеют видеть, – путешествуя, они обогащаются свежими впечатлениями не больше, чем улитки. Но, поверьте мне, я не принадлежу к их числу.

– Как вам будет угодно, господин Паганель, – ответил Джон Манглс. – Я уверен, что ваше пребывание на островах Зеленого Мыса обогатит географическую науку. Мы все равно должны остановиться там, чтобы запастись углем, и вы нас нисколько не задержите.

Сказав это, капитан взял курс к западным берегам Канарских островов. Знаменитый Тенерифеский пик остался за кормой «Дункана», и, продолжая идти таким же быстрым ходом, яхта пересекла 2 сентября в пять часов утра тропик Рака. Погода изменилась. Воздух сделался тяжелым и влажным, каким всегда бывает в период дождей. Испанцы именуют этот период «временем луж». Время очень тягостное для путешественников, но полезное для жителей африканских островов, страдающих от недостатка лесов, а потому и влаги. Бурное море не позволяло пассажирам находиться на палубе, но беседы в кают-компании не стали менее оживленными.

3 сентября Паганель начал укладывать свои вещи, готовясь к высадке на берег. «Дункан» уже лавировал между островами Зеленого Мыса. Яхта прошла мимо острова Сель, бесплодного и унылого, словно песчаная могила, прошла вдоль обширных коралловых рифов, оставила в стороне остров Сен-Жак, перерезанный с севера на юг цепью базальтовых гор, оканчивающейся двумя унылыми вершинами, вошла в бухту Вила-Прая и стала на якорь в виду города. Погода была ужасная, бушевал прибой, несмотря на то, что бухта защищена от морских ветров. Дождь лил как из ведра, и сквозь его потоки едва можно было различить город, который расположен на обширной равнине, род террасы, напоминавшей по своей форме земляную приподнятую площадку, упиравшуюся в отроги горного кряжа вулканического происхождения, вышиной в триста футов. Вид острова сквозь частую завесу дождя был удручающе унылый.

Леди Гленарван не удалось осуществить свое намерение побывать в городе. Погрузка угля протекала с большими затруднениями. Таким образом, пассажиры «Дункана» оказались словно под домашним арестом. В то время как море и небо в необозримом хаосе смешивали воды свои, пассажирам не оставалось ничего иного, как сидеть в кают-компании. Естественно, что больше всего говорили о погоде. Каждый высказывал свое мнение, кроме майора, который с подобным же равнодушием взирал бы и на всемирный потоп.

Паганель ходил взад и вперед, покачивая головой.

– Словно нарочно такая погода, – повторял он.

– Да, стихия вооружилась против нас, – соглашался с ним Гленарван.

– А я все же восторжествую над ней.

– Не можете же вы пренебречь таким ливнем, – заметила леди Элен.

– Я, лично, сударыня, никакого ливня не боюсь, но опасюсь только за свой багаж и инструменты: ведь все погибнет.

– Опасен лишь момент высадки, – заметил Гленарван, – но как только вы попадете в Вила-Прая, то там вы устроитесь неплохо. Правда, несколько грязновато, по соседству с обезьянами, свиньями, что вряд ли приятно, но путешественник не должен быть слишком взыскателен. К тому же можно надеяться, что месяцев через семь-восемь вам удастся отплыть в Европу.

– Через семь-восемь месяцев! – воскликнул Паганель.

– Да, не ранее, ведь в период дождей суда редко заходят на острова Зеленого Мыса. Но вы можете с пользой провести время. Этот архипелаг еще мало изучен как в области топографии местности, так и климатологии, и этнографии, и гипсометрии¹⁸. Здесь есть над чем поработать.

- Вы сможете заняться обследованием рек, – заметила леди Элен.
- Здесь нет рек, сударыня, – ответил Паганель.
- Ну, займитесь речками.
- Их также нет.
- Тогда какими-нибудь потоками, ручьями...
- Их тоже не существует.
- В таком случае, вам придется обратить внимание на леса, – промолвил майор.
- Для того чтобы был лес, необходимы деревья, а деревьев тут нет.
- Приятный край, нечего сказать! – отозвался майор.
- Утешьтесь, дорогой Паганель, – сказал Гленарван: – вам все же остаются горы.
- О сэр! Горы здесь невысоки и неинтересны. К тому же они давно исследованы.
- Исследованы? – удивился Гленарван.
- Да. Мне, как всегда, не везет. Если на Канарских островах меня опередил Гумбольдт, то здесь меня опередил геолог Шарль Сен-Клер-Девиль.
- Неужели?
- Увы, это так! – жалобно ответил Паганель. – Этот ученый находился на борту французского корвета «Решительный», когда тот стоял у островов Зеленого Мыса. Он поднялся на самую интересную вершину архипелага – на вулкан острова Фогу. Так что же мне остается делать?
- Действительно это прискорбно, – промолвила Элен. – Что же вы, господин Паганель, думаете предпринять?
- Паганель несколько минут молчал.

¹⁸ Гипсометрия – измерение рельефа местности.

– Право, вам надо было высадиться на Мадейре, хоть там уже нет вина, – заметил Гленарван.

Ученый секретарь Парижского географического общества продолжал молчать.

– Я подожду бы с высадкой, – заявил майор таким же тоном, каким сказал бы: «А я не стал бы ждать».

– Дорогой Гленарван, – прервал, наконец, молчание Паганель, – где вы намереваетесь сделать следующую остановку?

– О, не раньше, чем в Консепсьоне.

– Черт возьми! Это меня чрезвычайно отдаляет от Индии!

– Нисколько: как только вы обогнете мыс Горн, «Дункан» начнет приближаться к Индии.

– Сомневаюсь.

– К тому же, – продолжал Гленарван серьезным тоном, – не все ли равно, попадете вы в Ост- или Вест-Индию?

– Как все равно?

– Если только не считать, что обитатели пампы в Патагонии такие же индейцы, как туземцы Пенджаба.

– А знаете, сэр, – воскликнул Паганель, – вот довод, который никогда не пришел бы мне в голову!

– А золотую медаль, дорогой Паганель, – продолжал Гленарван, – можно заслужить в любой стране. Всюду можно работать, производить изыскания, делать открытия: и в Кордильерах и в горах Тибета.

– Но мои исследования реки Яру-Дзангбо-Чу?

– Вздор, вы замените ее Рио-Колорадо. Эта большая река еще мало известна, и, судя по картам, географы довольно произвольно обозначили ее.

– Знаю, мой дорогой лорд. Бывают всевозможные ошибки. Я нисколько не сомневаюсь, что Географическое общество столь же охотно командировало бы меня в Патагонию, как и в Индию. Но эта мысль не пришла мне в голову.

– В результате вашей обычной рассеянности...

– А не отправиться ли вам вместе с нами, господин Паганель? – предложила ученому самым любезным тоном леди Элен.

– Сударыня! А моя командировка?

– Предупреждаю вас, что мы пройдем Магеллановым проливом, – объявил Гленарван.

– Сэр, вы искуситель!

– Добавлю, что мы побываем в порте Голода.

– Порт «Голод»! – воскликнул атакованный со всех сторон француз. – Порт, известный во всех географических летописях!

– Примите во внимание, господин Паганель, – продолжала Элен, – что ваше участие в экспедиции прославит Францию наравне с Шотландией.

– Конечно!

– Географ принесет пользу нашей экспедиции, а что может быть прекраснее, чем поставить науку на службу человечеству!

– Вот это хорошо сказано, сударыня.

– Поверьте мне: повинуйтесь, как это сделали мы, воле случая, или, вернее, воле провидения. Оно послало нам этот документ, мы двинулись в путь. Провидение привело вас на борт «Дункана», не покидайте же яхту.

– Сказать вам, друзья мои, что я думаю? – спросил Паганель. – Мне кажется, что всем вам очень хочется, чтобы я остался.

– Вам самому, Паганель, смертельно хочется остаться, – заявил Гленарван.

– Верно! – воскликнул ученый-географ. – Но я боялся быть навязчивым.

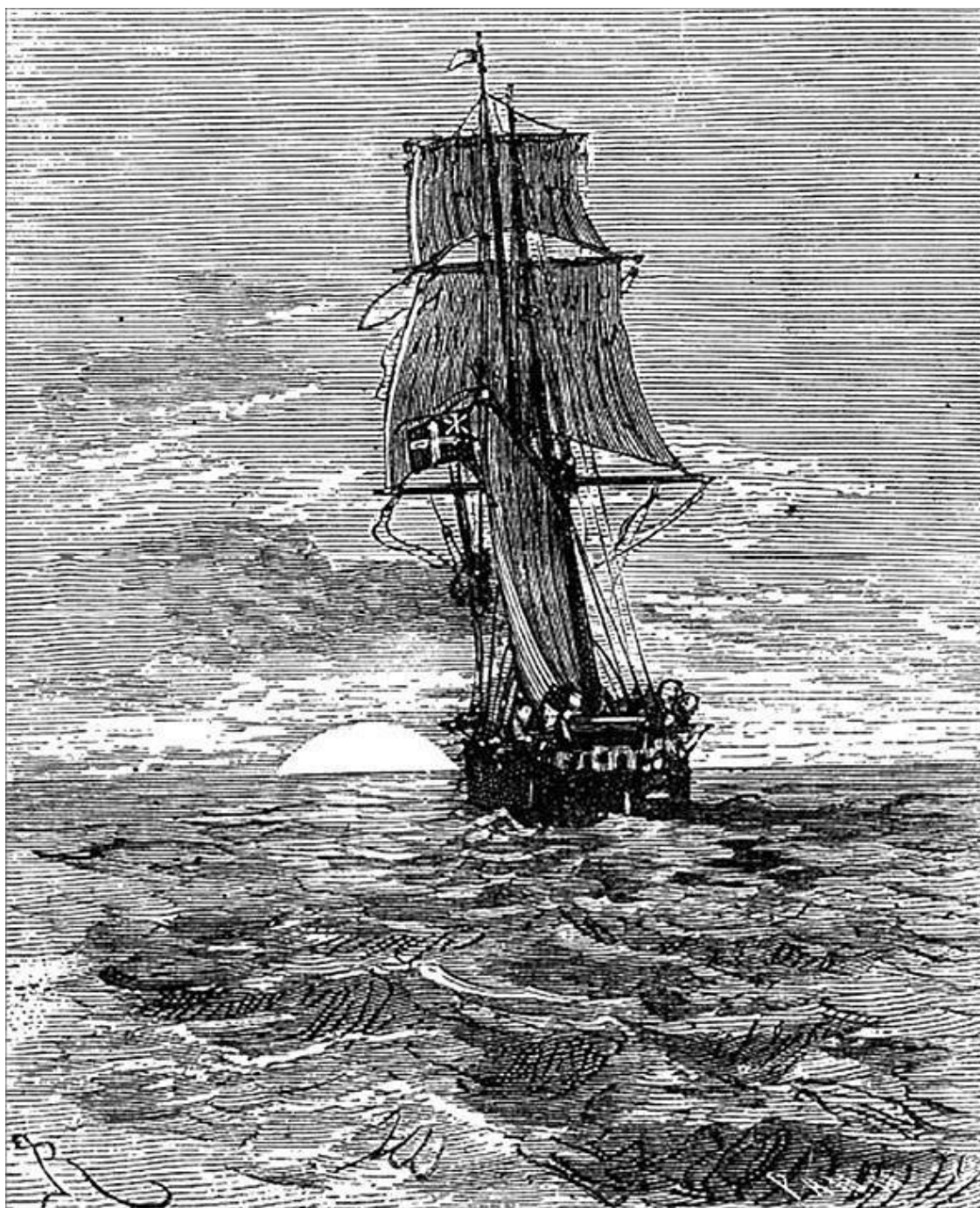
Глава девятая. Пролив Магеллана

Все на яхте обрадовались, узнав о решении Паганеля. Юный Роберт с такой пылкостью бросился ему на шею, что почтенный секретарь Географического общества едва удержался на ногах.

– Бойкий мальчуган! – сказал Паганель. – Я обучу его географии.

А так как Джон Манглс решил сделать из Роберта моряка, Гленарван – человека мужественного, майор – хладнокровного, леди Элен – доброго и великодушного, а Мери Грант – благодарного к таким учителям, то, очевидно, юному Гранту предстояло стать незаурядным человеком.

«Дункан», быстро закончив погрузку угля, покинул эти унылые места и, взяв курс на запад, попал в течение, проходившее близ берегов Бразилии, а 7 сентября при сильном северном ветре пересек экватор и вступил в Южное полушарие.

Итак, переход совершался благополучно. Все верили в успех экспедиции. Количество шансов найти капитана Гранта, казалось, с каждым днем возрастало. Одним из наиболее уверенных в успехе экспедиции был капитан «Дункана». Объяснялось это главным образом его горячим желанием видеть мисс Мери спокойной и счастливой. Он сильно был увлечен молодой девушкой и столь неумело скрывал свои чувства, что все, кроме него и Мери Грант, заметили это. Что касается ученого-географа, тот был самым счастливым человеком во всем Южном полушарии. Он по целым дням изучал географические карты, разложенные на столе в кают-компании, что являлось причиной ежедневных стычек с мистером Олбинетом, которому он мешал накрывать на стол. В этих спорах все были на стороне Паганеля, за исключением майора, который относился к географии с присущим ему равнодушием, особенно в часы обеда. Кроме того, натолкнувшись среди судового груза на ящики с разнообразными книгами, принадлежавшими помощнику капитана, и заметив среди них несколько томиков на испанском

языке, Паганель решил изучить язык Сервантеса. Этим языком никто на яхте не владел. Знание испанского языка должно было облегчить географу изучение чилийского побережья. Благодаря способностям полиглота Паганель надеялся свободно говорить на этом новом для него языке еще до времени прихода яхты в Консепсьон, а пока он с ожесточением изучал испанский язык и беспрестанно бормотал про себя какие-то непонятные слова.

В свободное время он умудрялся заниматься с Робертом, рассказывая ему историю материка, к которому так быстро приближался «Дункан».

10 сентября яхта находилась под $5^{\circ}37'$ широты и $31^{\circ}15'$ долготы. Гленарван узнал некую историческую подробность, которая, по-видимому, не была известна большинству даже более образованных людей. Паганель излагал им историю Америки, и, рассказывая о великих мореплавателях, по пути которых теперь следовал «Дункан», он воскресил образ Христофора Колумба, утверждая, будто великий генуэзец умер, так и не подозревая, что открыл Новый Свет.

Слушатели громко запротестовали, но Паганель настаивал на своем.

– Это вполне достоверно, – говорил он. – Я отнюдь не хочу умалять славы Колумба, но факт неоспорим. В конце пятнадцатого века помыслы людей были направлены к одной цели: облегчить сношения с Азией и западными путями выйти к востоку. Одним словом, стремились найти кратчайший путь в «страну пряностей». Вот какую задачу пытался разрешить Колумб. Он предпринял четыре путешествия, подходил к Америке у берегов о. Каймана, Гондураса, Москитного берега, Никарагуа, Верагуа, Коста-Рики и Панамы, но полагал, что эти земли принадлежат Японии и Китаю. Он умер, так и не заподозрив существования огромного материка, который, увы, даже не унаследовал его имени.

– Я готов поверить вам, дорогой Паганель, – отозвался Гленарван. – Тем не менее меня удивляет, и я прошу вас объяснить мне, какие мореплаватели приписали честь открытия Америки Колумбу?

– Его преемники: Охеда, который сопровождал его в путешествиях, Винсенте Пинсон, Америго Веспуччи, Мендоса, Бастидас, Кабраль, Солис, Бальбоа. Все они прошли вдоль восточных берегов Америки, отмечая на карте границы; триста шестьдесят лет тому назад их несло на юг то же самое течение, которое ныне несет и нас. Представьте себе, друзья мои, ведь мы пересекли экватор именно в том месте, где пересек его Пинсон в последний год пятнадцатого века, а теперь мы приближаемся к восьмому градусу южной широты, под которым Пинсон пристал когда-то у берегов Бразилии. Годом позже португалец Кабраль спустился еще южнее, до порта Сегуро. Затем мореплаватель Веспуччи во время своей третьей экспедиции, в тысяча пятьсот втором году, продвинулся еще южнее. В тысяча пятьсот восьмом году Винсенте Пинсон и Солис объединились для совместного исследования американских берегов, а в тысяча пятьсот четырнадцатом году Солис открыл устье реки Ла-Плата, где был растерзан туземцами, и честь первым обогнуть новый материк выпала на долю Магеллана. Этот великий мореплаватель в тысяча пятьсот девятнадцатом году проплыл с пятью судами вдоль берегов Патагонии, открыл порт Десеадо, порт Сан-Хулиан, где надолго задержался, открыл под пятьдесят вторым градусом широты пролив «Онз-Миль Вьерж», названный впоследствии его именем, и двадцать восьмого ноября тысяча пятьсот двадцатого года Магеллан вышел в Тихий океан. О! какой восторг он должен был испытать и как сильно забилося его сердце, когда он обнаружил на горизонте искрящееся под лучами солнца неизвестное море!

– Как бы мне хотелось быть на его месте! – воскликнул Роберт, воодушевленный словами географа.

– И мне бы тоже, мой мальчик, и я не пропустил бы подобного случая, родился я триста лет тому назад.

– Что было бы печально для нас, господин Паганель, – заметила леди Элен, – ибо вы не сидели бы сейчас с нами на палубе «Дункана» и мы не слышали бы того, что вы нам сейчас рассказали.

– Не я, так другой рассказал бы вам об этом, сударыня, и добавил бы, что западный берег Америки был исследован братьями Писарро. Эти отважные искатели приключений были великими основателями городов: Куско, Кито, Лима, Сант-Яго, Вилья-Рика, Вальпараисо и Консепсьон, куда плывет «Дункан». Одновременно с открытиями братьев Писарро совпали открытия Магеллана, и очертания американских берегов, к большому удовлетворению ученых Старого Света, были занесены на карту.

– А я стремился бы еще к новым открытиям, – заявил Роберт.

– А зачем? – спросила Мери, глядя на юного брата, увлеченного рассказом Паганеля.

– В самом деле, мой мальчик, зачем? – с ободряющей улыбкой спросил лорд Гленарван.

– А затем, что мне интересно узнать, не скрывается ли еще что-либо за Магеллановым проливом.

– Браво, друг мой! – воскликнул Паганель. – И я попытался бы узнать, простирается ли материк до Южного полюса, или там открытое море, как предполагал ваш соотечественник Дрейк. Не сомневаюсь, что если бы Роберт Грант и Жак Паганель жили в семнадцатом веке, то они отправились бы вслед за двумя очень любознательными голландцами Схоутоном и Лемером, стремясь, как они, отгадать эту географическую загадку.

– Это были ученые? – спросила леди Элен.

– Нет, просто отважные купцы, которых мало интересовала научная сторона открытий. В ту пору существовала голландская Ост-Индская компания, которой принадлежало исключительное право провозить товары через Магелланов пролив. А так как в то время, кроме этого пролива, иного пути в Азию не знали, то привилегия Ост-Индской компании являлась захватнической. Несколько купцов решили бороться с этой монополией, пытаясь открыть другой пролив. К числу таковых принадлежал некий Исаак Лемер, человек умный и образованный. Он снарядил на свои средства экспедицию, которую возглавил его племянник Яков Лемер и Схоутен, опытный моряк, родом из Горно. Эти отважные мореплаватели пустились в путь в июне тысяча шестьсот пятнадцатого года, почти сто лет спустя после Магеллана. Они открыли новый пролив между островом Эстадос и Огненной Землей, названный проливом Лемера, а двенадцатого февраля тысяча шестьсот шестнадцатого года они обогнули прославленный мыс Горн, который с большим основанием, чем его собрат, мыс Доброй Надежды, имел бы право называться мысом Бурь.

– Как бы я хотел быть там! – воскликнул Роберт.

– Да, ты прав, мой мальчик, ибо это подлинная радость! – воодушевленно воскликнул Паганель. – Существует ли большее удовлетворение, большее счастье, чем то, которое испытывает мореплаватель, наносящий на судовую карту свои открытия. Перед его глазами возникают новые земли, остров за островом, мыс за мысом, они словно всплывают из недр морских! Сначала контуры этих земель смутны, изломаны, прерывисты: вот тут – уединенный лагерь, а там – отдаленная бухта, а еще дальше – затерянный в безграничном просторе залив. Но постепенно открытия дополняют друг друга, линии уточняются, пробелы на картах уступают место штрихам, очертания бухт врезаются в сушу, мысы увенчивают исследованные берега, и вот, наконец, новый материк во всем своем великолепии с его озерами, его реками, его потоками, его горами, его долинами и его равнинами и деревнями, городами и столицами возникает на глобусе. Ах, друзья мои! Открывать неведомые земли, это – творить, это – переживать волнения и неожиданности! Но ныне этот источник почти исчерпан: все известно, все исследовано, все новые берега и материки занесены на карту, и нам, теперешним географам, больше нечего делать.

– Нет, дорогой Паганель, есть что делать, – возразил Гленарван.

– Что же?

– То, что делаем мы!

А яхта тем временем неслась с поразительной быстротой по пути Веспуччи и Магеллана. 15 сентября она пересекла тропик Козерога и взяла курс к знаменитому проливу. Порой едва приметной полосой на горизонте обрисовывались низкие берега Патагонии, но отстояли они дальше, чем на десять миль от яхты, и, глядя сквозь знаменитую подзорную трубу, Паганель получал о них лишь смутное представление.

25 сентября «Дункан» был уже у пролива Магеллана и плавно вошел в него. Этим путем обычно плывут торговые суда, направляющиеся в Тихий океан. Длина Магелланова пролива составляет всего лишь триста семьдесят шесть миль. Он настолько глубок, что по нему могут проходить, даже вблизи берегов, суда большого тоннажа, его дно удобно для якорных стоянок. По берегам много источников пресной воды, множество доступных и безопасных гаваней – словом, преимуществ, которых нет ни в проливе Лемера, ни у грозного скалистого мыса Горн, где непрестанно свирепствуют ураганы и штормы.

В первые часы плавания по Магелланову проливу, на протяжении приблизительно шестидесяти – восьмидесяти миль до мыса Грегори, берега отлоги и песчаны. Жак Паганель боялся проглядеть хоть единый прибрежный уголок, хоть единую деталь пролива. Плыть предстояло около тридцати шести часов, а панорама берегов, залитых сверкающим южным солнцем, несомненно, заслуживала напряженного и восторженного созерцания. Вдоль северных берегов не видно было никаких жителей, только несколько туземцев бродило по обнаженным скалам Огненной Земли.

Паганель роптал на то, что ему не пришлось увидеть ни одного патагонца; его это сердило, а спутников забавляло.

– Патагония без патагонцев – это не Патагония, – раздраженно повторял он.

– Потерпите, мой почтенный географ, скоро мы увидим патагонцев, – утешал его Гленарван.

– Я не уверен в этом.

– Но ведь они существуют, – заметила леди Элен.

– Сильно сомневаюсь в этом, сударыня, поскольку не вижу ни одного.

– Но ведь название «патагонцы», что по-испански значит «большеногие», дано было не каким-то воображаемым созданиям.

– О! название ровно ничего не значит! – воскликнул Паганель, любивший спорить и потому упрямо стоявший на своем. – Кроме того, вообще неизвестно, как их называют.

– Неужели! – воскликнул Гленарван. – А вы знали об этом, майор?

– Нет, – ответил Мак-Наббс, – и я не заплатил бы ни одного шотландского фунта стерлингов за то, чтобы узнать это.

– И тем не менее узнайте это, равнодушный вы человек! – заявил Паганель. – Магеллан назвал туземцев «патагонцами», это верно, но огнеземельцы называют их «тиременеи», чилийцы – «каукалу», колонисты Кармена – «теуэльче», арауканцы – «уильче». У Бугенвиля они известны под именем «чайхи», а сами себя они зовут общим именем «ипокен». Так вот, я спрашиваю вас, как следует называть их и может ли вообще существовать на свете такой народ, который имеет столько имен?

– Вот так довод! – воскликнула Элен.

– Допустим этот довод, – сказал Гленарван, – но, надеюсь, наш друг Паганель признает, что если существует сомнение относительно того, как называть патагонцев, то относительно их роста все одинакового мнения?

– Никогда не соглашусь с этой чудовишной нелепостью! – воскликнул Паганель.

– Они огромного роста, – настаивал Гленарван.

– Не знаю.

– Они малорослые? – спросила леди Элен.

– И этого никто не может утверждать.

– Ну тогда среднего роста? – проговорил Мак-Наббс, желая всех примирить.

– Не знаю.

– Ну, это уж чересчур! – воскликнул Гленарван. – Путешественники, которые их видели...

– Путешественники, которые их видели, – перебил его Паганель, – противоречат друг другу. Магеллан утверждал, будто его голова едва достигала им до пояса...

– Ну вот видите!

– Да, но Дрейк утверждает, что англичане выше самого высокого патагонца.

– Ну насчет англичан я сомневаюсь, – презрительно заметил майор. – Вот если бы он сравнил их с шотландцами!

– Кевендиш говорит, что патагонцы крепкие, рослые люди, – продолжал Паганель. – Гаукинс утверждает, будто они великаны, Лемер и Схоутен сообщают, что они одиннадцати футов ростом.

– Прекрасно! Свидетельство этих людей заслуживает доверия, – заметил Гленарван.

– Да, но такого же доверия заслуживают Вуд, Нарборо и Фалькнер, а по их словам, патагонцы – люди среднего роста. Правда, Байрон, Ла Жироде, Бугенвиль, Уэллс и Картере доказывают, что рост патагонцев в среднем равен шести футам шести дюймам, тогда как господин д'Орбини, ученый, лучше всех знающий эту страну, утверждает, что их средний рост пять футов четыре дюйма.

– Но где же тогда истина среди всех этих противоречий? – спросила леди Элен.

– Истина заключается в следующем, – ответил Паганель, – у патагонцев ноги короткие, а туловище длинное. В шутку можно выразиться так: это люди шести футов роста, когда сидят, и пяти – когда стоят.

– Браво, милейший ученый! – воскликнул Гленарван. – Вот это хорошо сказано!

– Но только в том случае, если патагонцы существуют вообще, тогда это примиряет все разногласия, – продолжал Паганель. – А теперь, друзья мои, скажу вам в заключение, что Магелланов пролив великолепен даже без патагонцев.

В это время яхта огибала между двумя живописными берегами полуостров Брансуик. Среди деревьев мелькнули чилийский флаг и колокольная церквушка. Пролив извивался теперь среди величественных гранитных массивов. Подножия гор скрывались в чаще огромных лесов, а вершины их, покрытые шапкой вечных снегов, окутаны были пеленой облаков. На юго-западе поднималась на шесть тысяч пятьсот футов вершина горы Тары.

После долгих сумерек наступила ночь. Дневной свет неприметно угасал, на землю легли мягкие тени. Небо покрылось яркими звездами, и созвездие Южного Креста указывало мореплавателям путь к Южному полюсу. Среди этой светящейся темноты, при сиянии звезд, замечавших в этих краях маяки цивилизованных стран, яхта смело продолжала путь, не бросая якоря ни в одной из удобных для стоянки бухт, которыми изобилует окрестное побережье. Часто реи яхты задевали ветви южных буков, склонявшихся к волнам, нередко винт взбивал воды в устьях больших рек, вспугивая диких гусей, уток, гаршнепов, чирков и все пернатое царство этих болотистых мест. Вскоре показались развалины и оползни, которым ночь придавала величественный вид, – то были печальные остатки некогда покинутой колонии, чья участь навсегда опровергает представление о том, что местность плодородна, а леса богаты дичью. «Дункан» проходил мимо порта Голода.

Здесь в 1581 году поселился испанец Сармиенто во главе четырехсот эмигрантов. Он основал город Сан-Фелиппе. Часть поселенцев погибла от свирепых морозов, голод прикончил тех, кого пощадила зима, и корсар Кавендиш, посетивший в 1587 году колонию, застал

последнего из четырехсот несчастных эмигрантов умирающим от голода на развалинах города, просуществовавшего всего шесть лет, но, казалось, пережившего шесть столетий.

Часто реи яхты задевали ветви южных буков, склонявшихся к волнам

Яхта проплыла вдоль пустынных берегов. На рассвете она шла по узкому проливу перешейка, по берегам которого теснились буковые, ясеневые и березовые леса, из недр которых вздымались зеленеющие своды, высокие горы, увитые мощным, диким терновником с остроконечными пиками, среди которых выше всех вздымался обелиск Бугенвиля.

Яхта миновала устье бухты Сан-Николас, которую Бугенвиль назвал когда-то бухтой Французов. Вдали резвилось множество тюленей и, по-видимому, огромные киты, если судить по мощности выбрасываемых ими фонтанов воды, которые видны были на расстоянии четырех миль. Наконец, «Дункан» обогнул мыс Фроуорд, еще покрытый последними снегами. На южном берегу пролива, на Огненной Земле, высилась на шесть футов гора Сармьенто – гигантское нагромождение скал, рассеченных грядой облаков, образующих как бы воздушный архипелаг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.